

Кирилл Ликов

Штрафстая

Том первый Дорога из дома

18+

Кирилл Ликов

**Штрафстая Том
первый: Дорога из дома**

«Автор»

2026

Ликов К.

Штрафстая Том первый: Дорога из дома / К. Ликов — «Автор»,
2026

Две эпохи, прошитые порохом и железом. Разведчик Димка Зверев опаздывает из увольнения на двадцать минут — этого достаточно для камеры НКГБ с волчьей тростью следователя. Выбор прост: расстрельная статья или командование 14-й штрафной ротой в белорусских болотах против дивизии СС «Галичина». Здесь воюют аномалии: японский шпион-ефрейтор, боец, чующий артобстрелы, и старшина со шкурой тверже брони. В Древнем Полоцке княжич Всеслав рождается под заговор ведуньи. Когда киевские Ярославичи предлагают бессмертие в обмен на душу и вечную жажду крови, князь уже знает истинную цену сделки. Вдох перед броском в атаку и Выдох, когда древняя сталь покидает ножны по праву рождения. Между этими мирами стынет лед на Двине, трескающийся под тяжестью невозможного выбора

© Ликов К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вдох 1	5
Выдох 1	37
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Кирилл Ликов

Штрафстоя Том первый: Дорога из дома

Вдох 1

Димка смотрел на настенные часы и очень хотел курить. Стрелки показывали десять минут седьмого, и это не могло не радовать. До конца увольнения оставалось еще почти два часа. Один час и пятьдесят минут, если быть точным. А точным быть приходилось, ибо сейчас не сороковой год, когда за опоздание только выволочку устраивали и возможно на гауптвахту сажали. Сейчас опоздание из увольнения приравнивается к дезертирству. А что делать? Одно слово: ВОЙНА! А во время войны и законы такие же, военные, тут уж ничего не поделаешь.

Курить хотелось страшно. Аня тихо посапывала рядом, прижавшись своей роскошной грудью к его руке и обвив его ноги своими.

- В сущности она еще совсем ребенок, - подумал Дима, оглядывая свою неожиданную любовницу, - все дети любят зажать одеяло ногами, а если его нет, то все что попало под руку... точнее под ногу.

Нужно было вставать и начинать собираться, но не хотелось будить красивую спящую девушку. С Аней они когда-то давно, еще до войны, учились в одном классе. До восьмого класса она была ничем не примечательная обычная девушка, каких на весь класс было двенадцать штук. Да, признаться, Димка тоже не отличался, наверное, от толпы своих сверстников-одноклассников. Да, подтянутый молодой парень, занимающийся боксом, но тогда это было стандартно. Время такое было, удалое и веселое. Почти все мальчики в их классе чем-то занимались и многие горделиво носили на лацкане кармана школьной формы значок ГТО первой степени. Но вот после восьмого класса, все изменилось и для мальчишек, и для девчонок. Первым перестало нравиться дергать одноклассниц за косички, а вторые стали тайком пудрить носики, подкрашивать глазки и с благодатью ловили повзрослевшие мальчишеские взгляды.

Вот тут-то Аня и преобразилась из серенькой школьницы в белую лебедь. Формы ее округлели, груди налились соком, ноги из остро коленных палок превратились в одно сплошное загляденье. И взгляды всех мальчишек параллельных девятых классов устремились на Аню со взорами жаждой томимыми. Да что там девятиклассники, и выпускники десятых классов на нее засматривались и пытались приударить, и даже некоторые преподаватели, например физрук. Но девочка Анечка была умной, как минимум не глупой, и с кем попало по паркам и набережным, а так же по аллеям и бульварам, под ручку не ходила, а выбирала мужчин со смыслом. С одним прошлась, и математику смотришь дали списать на пять баллов. Со вторым в цирке мороженого поела и географию сдала на пять. О физкультуре и говорить нечего, у Анечки всегда стабильная пятерка по ней стояла.

С Димкой Анечка никогда нигде не гуляла, он ей был не интересен. По всем предметам парень учился хорошо, но не на отлично, а на физкультуре, где Димон мог действительно помочь девушке, она в помощи не нуждалась. Крутанула попой перед физруком пару раз и все, почитай пятерка в четверти уже в кармане. Он мог еще ей помочь по немецкому, но на то у нее был Левочка Круглов. Лева может и хуже знал немецкий чем Димка, но был обаятелен до чертиков. Правда Димка не очень и тяготился этим фактом, вокруг было много других девчонок, которых его достижения в боксе приводили в неопишуемый восторг. После выпускного бала дорожки их разбежались. Она поступила в торговый институт, он в МГУ на факультет иностранных языков. До войны они больше и не встречались.

Встретились же только вчера. Аня работала директором в винно-водочном магазине, куда Димка в увольнении, после сдачи экзаменов, зашел с сослуживцами взять водки – отпразд-

новать. И тут выходит из подсобки она. Взгляды встретились, улыбки расплылись, слова завязались в предложения, вспомнили всех одноклассников, перечислили, кого уже убили на войне, и как-то незаметно новоиспеченный младший лейтенант Зверев очутился не в лихом загуле со своими сокурсниками по разведшколе, а в постели своей бывшей одноклассницы. Правда, предварительно поинтересовавшись, не замужем ли она. На что получил ответ, что замужем, но муж уже полгода как пропавшим без вести числится.

- А можно ли так, при возможно живом-то муже? – как воспитанный на советских идеалах комсомолец спросил он.

- Дурачок, сейчас война, - тихо улыбнулась в ответ Аня – сейчас все можно. Она подлюка все спит.

Она не была искусна в любви, но и полным бревном ее назвать было тоже невозможно. Она знала, что ее тело само по себе заводит мужчин и просто позволяла себя любить, нежась в ласках партнера как ей нравится.

Курить хотелось все больше и больше, но было нельзя. Курить Димка начал после школы. Нет, он не был пай-мальчиком и, конечно же, пробовал сизый никотиновый дым в старших классах, но занятия боксом не дали увлечься папиросами по-настоящему. Начал он в институте, и пристрастился довольно быстро и качественно. Потом пытался бросить пару раз, но война не дала сделать это окончательно. На войне только и отдыху, что папироской подымить.

Димка посмотрел еще раз на часы, стрелки показывали десять минут седьмого. Аня так же тихо сопела на его оголенной груди. Чтоб не думать о куреве, а после постели с женщиной ему всегда хотелось курить, младший лейтенант начал разглядывать комнату. Комната как комната, но сразу видно что девичья. Тут тебе и занавесочки с цветочками на окнах, и тканевые салфеточки с рюшечками под всем, чем только можно, и вазочка с цветочками на серванте. Даже подушки и пододеяльник на смятой от сладострастной игры двух разгоряченных тел кровати были с оборочками, рюшечками и с вышитыми цветочками разом. И тут глаза Димки опять напоролись на часы. Стрелки все так же показывали десять минут седьмого. Что-то неприятное, холодное колыхнулось в груди у парня, омерзительный комок подкатил к горлу из дурно пахнущих внутренностей.

- Анька, у тебя часы ходят?! – Одним движением взлетая с кровати, проорал разведчик.

- Не, уже три дня стоят, - отмахнулась уставшая от любви женщина и перевернулась на другой бок, красиво откинув назад золотой локон, - все ни как мастеру не отнесу...

Димку бил озноб, можно даже сказать колотун. Он судорожно попытался вывернуть карманы брюк и найти там свои наручные часы, но после третьей попытки бросил это безнадежное дело и попросту встряхнул штаны с такой силой, что часы выпали на пол сами с глухим стуком. Стрелки показывали без десяти восемь. До расположения добираться минут сорок, то есть опоздание будет в районе получаса.... В принципе нормально, если судить по мирной жизни, а вот в наше военное время могут и на гупвахту посадить, если дезертирство не пришьют....

Одевался Димка быстро, ну или хотел быстро, но нахлынувшая нервозность не давала ему сделать это. В движения всегда четких и слаженных появилась суетливость и это не давало совершить все положенные действия быстро. Ноги не попадали в штанины, гимнастерка была натянута сначала шиворот-навыворот, а пока он ее снимал, выправилась майка, и пришлось ее заправлять обратно. Язычок ремня так же не хотел помогать своему хозяину и скрежетал по крючку пряжки, не зацепляясь за него. Пуговицы на гимнастерки, впрочем как и на ширинке тоже не хотели застегиваться, создавалось впечатление – они стали больше, чем прорези под них. Закончил застегиваться и одеваться Зверев уже на улице. Вам приходилось видеть опаздывающего человека, застегивающегося на ходу? Вам было смешно? Так вот, младший лейтенант Зверев Дмитрий Николаевич вам может теперь заявить со знанием дела – смешно это только для наблюдающих со стороны но, ни как для самого опаздывающего.

До части, куда он был приписан, но где еще ни разу не появлялся, так как увольнительные им дали после выпуска сразу, а закрыть их нужно было уже в части, добираться было минут сорок. В хорошем случае, опять же по расчетам мирного времени. Димка был приемным сыном, родители не скрывали от него этого, и всю довоенную жизнь проживал в Москве, поэтому и ориентировался в городе хорошо, но последний раз он тут был почитай еще до войны. Родители умерли в сороковом. Отец от инфаркта, а мать от тоски по нему, спустя три месяца, к моменту нападения Германии на СССР, парню было уже двадцать, и он, взяв академический на пятом курсе, ушел добровольцем в армию. Попал в обычную пехоту, там отличился, попал в разведывательный взвод, а когда узнали, что он кандидат в мастера спорта по боксу и еще имеет неоконченное высшее образования и владеет в совершенстве немецким языком, путевку в разведшколу выписали незамедлительно. И вот теперь он за сутки увольнения в Москве, и города то не видел, лишь Анькину комнату и все.

Трамвай пришел быстро, подкатил к остановке в один момент с подбежавшим Димкой, быстро запрыгнув в него, младший лейтенант заплатил кондуктору и плюхнулся на свободное место и устроился в окно. Что творилось за окном - ему не понравилось. Город Москва, который всегда отличался обилием зелени и яркими красками посерел до неузнаваемости. Серые здания с осыпавшейся штукатуркой стояли вдоль трамвайных путей и смотрели на проезжающего мимо парня заклеенными крестами окнами, а то и совсем чернеющими от пожаров и взрывов провалами. В небе маячили дирижабли, то тут, то там, сновали патрули и отряды милиции. Фронт уже давно отодвинулся от Москвы, но город еще не пришел в себя от недавних обстрелов и бомбардировок.

Спрыгнув с трамвая, Зверев пулей метнулся к входу в метро. Спасибо товарищу Сталину, что не стал закрывать его во время войны. По эскалатору он несся словно сумасшедший, толкая, стоящих справа людей и прыгая через ступеньку. Вслед ему неслись вопли и упреки, от которых уши должны были покраснеть, потом позеленеть и в конце свернуться трубочкой. Уважаемые пассажиры московского метрополитена имени Кагановича делятся на два вида. Москвичи, чинно стоящие на эскалаторе и знающие как куда проехать и где делать пересадки. И приезжие, стоящие на той же самодвижущейся лестнице с раскрытым ртом и восторженно осматривающие все вокруг, словно попали на экскурсию в оружейную палату кремля. Но, ни тем, ни другим и в голову не приходило бежать по эскалатору. Этим обычно занимались опаздывающие из увольнения солдаты и курсанты.

Димке сейчас было наплевать на всю палитру мозаики на стенах московского метро, на все вензеля светильников и причудливые лампы на потолках, ему нужно было как можно быстрее добраться из пункта А в пункт Б. И бег сейчас хоть на немного, но приближал его к цели. Ведь интервалы между поездами в метро примерно равны полторы минутам и если опоздать на поезд, увидев перед собой захлопывающиеся двери, то ничего поделать уже нельзя, и придется ждать на платформе эти самые полторы минуты, длящиеся словно десять в обычной жизни. А добежав, ты имеешь все шансы впрыгнуть в тот самый нужный тебе поезд и прибыть в ту самую точку Б на полторы минуты раньше, а не позже.

Кто-то вздохнет и скажет: полторы минуты дело не решат? Это не время, так плюнуть и растереть? Недавно младшему лейтенанту Звереву, тогда еще курсанту разведшколы рассказали анекдот на эту тему.

У старого еврея спросили: минута это много или мало?

- Таки понимаете товарищи, - ответил старый Мойша, почесав затылок, - это смотря с какой стороны туалетной двери вы находитесь. С одной стороны – миг, а с другой стороны - вечность.

Вот для Димки сейчас полторы минуты были вечностью. В отходящий поезд он таки успел, правда, влетел в уже закрывающиеся двери, и чуть не порвал гимнастерку, но это были мелочи, тут главное было – успеть. Выскочив из метро опять же бегом, он запрыгнул на под-

ножку проходящего мимо трамвая и уже через десять минут стоял перед КПП. Его бил озноб, времени было двадцать минут девятого. Ровно двадцать минут назад, он был должен входить в эти двери, а еще лучше минут за тридцать-сорок, заблаговременно, так сказать.

- Двум смертям не бывать, а одной не миновать, - махнул рукой Дмитрий Николаевич Зверев, унял свою внутреннюю дрожь и открыл дверь.

Навстречу ему из дежурки вышел немолодой офицер, в пагонах капитана. Погоны ввели недавно, и Димка еще путался. Но четыре звезды на погонах он запомнил сразу. Все эти шпалы с рельсами на петлицах, были мене понятны, чем звезды, но они были привычнее. В руках дежурный по КПП держал неуставную трость с рукояткой в виде оскаленной волчьей морды.

- Младший лейтенант Зверев, из увольнения, для прохождения дальнейшей службы при- был, - козырнул Димка и достал свои документы.

- Зверев? – уточнил капитан, сунул трость подмышку, взял документы и долго в них что-то вычитывал. – А известно вам младший лейтенант Зверев, что вы должны были явиться сюда полчасика назад?

- Двадцать минут, - буркнул в ответ Димка.

- Что? – не понял дежурный.

- Двадцать минут назад, не полчасика.

- Полчасика или двадцать минут большого значения не имеет, - процедил офицер, и что-то в его тоне Звереву сильно не понравилось, особенно в его мерзкой ухмылке.

Ну не бывает у обычного капитана, пусть даже он разведчик из разведчиков, такой наглой плотоядной ухмылки.

- Ладно, разберемся, - еще раз хмыкнул дежурный офицер, сложил документы новопри- бывшего и положил к себе в нагрудный карман.

- Товарищ капитан, отдайте пожалуйста мои документы, - опешив от происходящего, произнес Дима, - мне еще к дежурному по части зайти нужно и на довольствие встать.

- Зачем же ходить, - улыбнулся капитан, и Димону показалось, что клыки у него слишком большие, чем у обычных людей, - мы вас подвезем.

- Зачем?

- Чтоб вы по дороге еще где-нибудь на полчасика не задержались, а то дезертиры любят задерживаться, - и крикнул, - ефрейтор Бородин, подвезите гражданина... бывшего младшего лейтенанта куда следует.

Тут же открылась дверь в подсобного помещения, и оттуда вышел солдат с ППШ в руках. Затвор пистолета-пулемета был взведен. Черная дыра ствола уставилась на Димку, как на врага народа, хотя таким он сейчас и был, получается.

В машине было неудобно. Даже не неудобно, сколько неприятно. Металлический кузов отдавал холодом, на металлической скамейке сидеть не хотелось от слова совсем, но делать было нечего. Запястья обжигал холодный жар металлических наручников. Жить не хотелось вовсе. Еще сегодня утром, он был обычным членом общества, комсомольцем, отличником боевой и строевой службы, обладателем значка ГТО первой степени и кандидатом в мастера спорта по боксу, а сейчас он преступник, которому шьют дезертирство. Жизнь крутанулась в одночасье с ног на голову. Вот теперь курить хотелось нестерпимо, но папирос с собой не было, и даже махорки с газетным листом не имелось. Да по-честному, и даже если б бы и было, то в воронке покурить все равно не дадут.

- Не дрефь салага, - говорил их старшина в разведшколе, - генералом станешь.

Яшка Лютиков его однажды спросил, а маршалом можно будет стать, если не дрефить.

- Нет паря, - был ему ответ старшины Бадейко, - маршалом ты не станешь.

- Почему же? – не унимался огненно-рыжий курсант.

- У маршала, Лютиков, свои дети есть.

Ехали не долго. Москва она хоть и большой город, а на машине быстро проезжается, если каждому светофору не кланяться. А «черным воронкам» на светофоры взять и положить, с прибором.

Автомобиль тормознул резко, и Зверева ударило о корпус.

- Не дрова везешь Шура! – раздались вопли ефрейтора Бородина.

- Ой, ты глянь на него, бревно загутарило! - ответил весело водителя.

- Эй, дезертир, выходи по-быстрому, а то ужин пропустишь.

Видимо у охраны было хорошее настроение, что нельзя было сказать про обвиняемого. Может им за каждого пойманного пайку лишнюю дают?

Димка выбрался из машины и удивился. Он ожидал увидеть небо, а над ними был потолок. Высаживали пойманных в специальном крытом ангаре. Зверев вспомнил легендарный «серый дом» на Лубянской площади, там не было ничего подобного рядом. Видать не в самую «альма-матер» советской контрразведки привезли. Это не радовало и не огорчало, но вселяло хоть какую-то надежду, что тут работают не такие волки, как там.

- Чего встал? – ткнули его в спину стволом ППШ. – Любуешься? Иди давай, еще будет время налюбоваться потом. Надоесть еще успеет, до коллик в желудке.

Камера ему досталась двухместная, но поселили его пока туда одного. Ничего лишнего, все как положено. Двое нар в два этажа, умывальник и дырка в полу. Как только за ним захлопнулась дверь, Димон раскатал врученный ему соломенный матрас на нижней шконке и упал на него, закрыл глаза и попытался от всего абстрагироваться. В голову лезли всякие глупости. Воспоминания, еще свежие, не затуманенные дымкой лет, не выброшенные из головы за ненужностью.

Разведшкола встречала его и еще два десятка молодых и крепких парней в потертых гимнастерках солнечным светом, шумом листвы, осенней прохладой и щебетанием птиц. Школа размещалась на территории одного из многочисленных подмосковных лесов, в районе города Коломна.

Встречал их здоровенный старшина, с бритой налысо головой и черными усами. Димка тогда еще подумал: будь у старшины серьга в ухе, вылитый разбойник с большой дороги вышел бы, как их рисуют в детских книжках. Встречал не один, а с червяком. По засученной левой кисти его ползал обычный дождевой червь, правой же рукой старшина его поглаживал и одновременно удерживал.

- Здорова братцы! – гаркнул он, когда все новоприбывшие построились в стройные шеренги и одним движением взял с руки червяка, кинул себе в рот и проглотил.

Неприятный комок подполз у Зверева к самому горлу при виде этого, а судя по звукам с правого фланга их шеренги, некоторые этот комок остановить не смогли, и сослуживцы получили возможность лицезреть то, что эти солдаты кушали утром на завтрак.

- Вот вам первый урок братцы, - хмыкнул старшина Бадейко, - учитесь сразу бороться с брезгливостью. Разведчик должен выполнить задание, а чем он питается во время выполнения, это лично его половые трудности. Утопленный вещмешок с продовольствием – это не повод бросить выполнять поставленную перед вами задачу. И главное – все, что попало в желудок, должно там держаться крепко и цепко, а не выпрыгивать наружу при первой же возможности. Сытый солдат – залог выполнения задачи. Всем понятно?

- Так точно! – не стройным хором ответил личный состав.

- Я ваш старшина, - продолжал он, - то есть на время обучения я для вас отец, мать и требовательная совесть, так что братцы, советую всегда и везде руководствоваться совестью, а не то совесть и осерчать может, и потом мучить по ночам, например, бегом. Зовут меня Бадейко Сергей Палыч, но обращаться следует по уставу: товарищ старшина и никак иначе. На службе панибратства не терплю. Понятно?

- Так точно! – на этот раз выкрик множества глоток оказался более слитным, чем в прошлый раз.

- Хорошо, - удовлетворено покачал головой старшина, - учиться вам выпало полгода. Это не много, поверьте моему опыту, но время сейчас такое. Учиться придется много и сразу, втягиваться времени не будет.

- Так мы и так же разведчики тут все, - раздался чей-то голос из строя.

- Я бы сказал тебе сынок, - ни к кому конкретно не обращаясь, хмыкнул Бадейко, - кто вы, но боюсь обидитесь. Обучить солдата разведывательному делу эту все не трудно, но вот обучить офицера, который сам потом должен учить личный состав – это большое дело и времени на это в шесть месяцев слишком мало. Но ничего не поделаешь, будем стараться втиснуть ваш объемный курс в эти сраные полгода. В связи с этим, все перемещения по школе и полигону осуществляются бегом. Понятно?

- Так точно!

- Ну, коль все понятно, тогда бегом марш!

Курсанты остались стоять на месте, так как ждали уточнения команды куда бежать.

- Значит не понятно, - сделал вывод старшина. – Упор леж принять! Полтинник!

Пятьдесят отжиманий дались в принципе легко, все парни были молодые и подтянутые, в разведке других не держали.

- Кто разрешил встать? – окрикнул старшина быстрее всех закончивших отжиматься торопыг. – Продолжаем разговор. На раз внизу, на два верху. Раз!

Курсанты в едином порыве коснулись грудью земли.

- Два!

Резкий выдох большой массы людей поразил окрестности, и суставы рук щелкнули от резкого распрямления.

- Полтора!

Кто-то непонимающе уставился на старшину и умудренных сослуживцев и на миг запоздал занять нужную позицию, так сказать меж землей и небом. После двухминутного стояния даже у самых крепких парней начали сдавать мышцы, но отмены команды «полтора» никто не давал.

- Вот теперь слушаем меня внимательно молокососы, и ловим все на лету, два раза повторять не буду, - спокойным голосом, словно сам и не стоял вовсе на полусогнутых руках, произнес старшина. – Говорят, уставшие мышцы хорошо запоминают движения, а вот уставшие мозги плохо информацию, так вот, для лучшего запоминания, мы будем утруждать руки, тем самым очищая ваши мозги от всего иного. В этой позе, после двух-трех минут мозги становятся чистыми-пречистыми. Это понятно?

На этот раз ответом ему было молчание. Сил для стойки на полусогнутых руках уходило много, и тратить последние на подтверждение риторического вопроса курсанты не сочли нужным.

- Молчание в знак согласия, - удовлетворенно произнес Бадейко. – Продолжаю выше сказанное. Все передвижения по разведшколе производятся бегом. Как только вы слышите команду старшего по званию, ее нужно начать исполнять в тоже мгновение, не раздумывая, какой бы идиотской она вам не показалась. Тут на обучении таких салаг, как вы, полк собак съели, и не нужного приказывать не будут. Понятно?

В этот раз молчание перемежалось с вздохами, всхлипами и стуком тел о землю. Многие не выдерживали такого напряжения. Курсант Зверев держался из последних сил и уже готов был упасть мордой в землю, как прозвучала спасительная команда «встать». Вставали медленно, приводя дыхание в порядок, растирая уставшие мышцы, отряхываясь от земли одежду. Но как только прозвучала команда «бегом марш», все резко стартанули с места и строились в походные колонны уже на бегу.

- За мной бегом! – прокричал старшина.
- А как же завтрак? – выдохнул кто-то жалобно на бегу.
- Завтрак братцы, нужно еще заслужить.

Заслужили новоприбывшие курсанты завтрак только после десяти километров бега по пересеченной местности. Завтрак, как и на фронте, состоял из каши и хлеба. Но давненько Димка такой вкусной каши не едал, толи повар тут был отличный, толи не бегал ни разу перед завтраком десять километров по пересеченки, толи и то и другое разом. А после завтрака у них по распорядку была физическая подготовка и рукопашный бой, видимо, чтоб и обед показался вкуснейшим-превкуснейшим.

- Ну чего солдатики приуныли? – спросил инструктор по рукопашному бою и физической подготовке, капитан Шумелков. – Старшина Бадейко мне шепнул на ушко, что вы уже знаете команды «полтора» и «бегом», на этом, стало быть, заострять внимания не будем.

Что их инструктор капитан по званию, рота новоприбывших курсантов узнала позже. Первый раз Шумелков их встретил по пояс голый, естественно, без каких-либо видимых знаков различий. Фигурой он напоминал медведя, вставшего на задние лапы, но очень поджарого медведя. Огромные пласты мышц так и перекатывались под его кожей при каждом движении. На широком его лице выделялись: выдвинутый вперед квадратный подбородок, маленькие аккуратные усики и яркие, синие, пристальные глаза. Эти глаза уже осмотрели каждого курсанта с ног до головы и примерно представляли, что от каждого из них ждать.

- Гимнастерки снимайте, снимайте, - улыбнулся он лучезарной улыбкой, обнажив ряды белых зубов. – Зачем вам потом потные, грязные гимнастерки? Морока лишняя стирать ее еще вечером, а так помылся и все чисто.

- Так не май месяц же...

- Холодно, что ли? – деланно удивился товарищ капитан. – Так мы сейчас это быстро исправим, - и тут же зычным, поставленным командирским голосом гаркнул, - Форма одежды номер два! За мной в колонну по четыре! Бегом! Ма-арш!

Наученные горьким опытом курсанты скидывали гимнастерки уже на бегу. Бегать пришлось не долго, километров пять, но после десяти и они смогли разогреть молодые выносливые тела.

- Тепло? – остановившись там же, откуда начали бег, спросил инструктор.

Учебная рота промолчала. Кажется, даже самый глупый в их строю должен был понять за сегодняшний еще неполный день, что молчание – лучшее средство выражения своих эмоций.

- Хорошо, - кивнул Шумелков, - тогда понеслась душа в рай.... Разминку я думаю, мы пропустим, бег он сам по себе разминает.... Боксеры, самбисты, борцы есть? Шаг вперед.

Курсант Зверев и еще три человека вышли из строя.

- Фамилия, вид спорта, разряд? – спросил он у ближе всего стоявшего бойца.

- Младший сержант Гавриленко... - начал было тот, но был прерван капитаном.

- Курсант, тут у вас одно звание – курсант. Продолжайте.

- Курсант Гавриленко, вольная борьба, первый разряд.

- Курсант Азаров, спортивная стрельба, мастер спорта.

- Курсант Зверев, бокс, кандидат в мастера спорта, - Димка решил не сокращать свое звание до КМС, чтоб было понятней.

- Хорошо, - удовлетворенно кивнул инструктор, - Азаров, вы нам пригодитесь на стрельбище, а пока встаньте в строй. Гавриленко и Зверев, берете по половине роты каждый и учите своему виду спорта.

- А с чего начинать, товарищ инструктор? – спросил Гавриленко.

- С азов, с первых шагов, но учтите, времени вам довести ребят хотя бы до третьего разряда три месяца, больше выделить не получится.

- Так...

- Меньше слов, больше дела! – резко гаркнул Шумелков. – Рота, на первый-второй считайся! Первые номера к Гавриленко на борьбу, вторые к Звереву на бокс.

Димка стоял окруженный полтора десятком своих сослуживцев и не знал с чего начать. Он никогда не тренировал до сего момента никого, сам тренировался под руководством тренера, но чтоб сам кому-то объяснять – такого никогда не было.

- Ладно, - выйдя из своих мыслей, произнес наконец курсант Зверев, - начнем, пожалуй, с самого простого. Встали ноги на ширине плеч, руки подняты к голове, кисти сжаты в кулак.

Осмотрев всех, Димка поправил тех, у кого не получилось, и продолжил дальше.

- Теперь скручиваем правую ногу, крутясь на носке, и выдвигаем правое же плечо вперед. Получилось? Это самое стандартное и универсальное движение в боксе. Им можно защищаться, закрывая выдвинутым вперед плечом челюсть, но им и бьем, распрямляя руку в конце движения. Скручивание на носке ноги дает вложение в удар всей массы тела и придает скорость удару. Всем понятно?

- Угу, - ответил нестройный хор голосов.

Оно было и естественно, так как Димон был свой, брат курсант и бояться получить от него наказание - равнялся нулю, можно было немного расслабиться.

- Тогда делаем.

Наказывать как-то, хоть теме же отжиманиями Зверев и не хотел. Выбор его в помощники инструктора по боксу тщеславия ему не добавил, а вот шанс получить после отбоя темную мог вырасти. Против боксера один на один мало кто отважится выйти, а вот толпой ночью накрыть подушками и одеялами и отходить ногами по всем бокам – милое дело в многолюдной казарме. У них в разведывательной роте три месяца назад пришел один, не человек – молот, ударом кулака мог быка завалить. Назначили его замком взвода, а тот давай свои порядки устанавливать, силой своей кичиться. Две темных подряд и не узнать человека, стал шелков и ласков.

Но в наказаниях и без Зверева убыли не было. Шумелков успевал носиться, словно заведенный, между двух учебных групп. Поправлял солдат и там, и там, давать советы, исправлял ошибки и наказывал нежелающих работать. Последние полчаса капитан занимался со всеми общей физической подготовкой, а Зверев с Гавриленко учили друг друга, боксу и борьбе. В конце Дима подошел к Шумелкову.

- Товарищ капитан, разрешите обратиться?

- Валяй.

- Почему все учатся и боксу, и борьбе, а мы с Гавриленко, только полчаса друг друга обучаем? Это же не справедливо.

- Справедливость тут роли не играет, - похлопал одобрительно по плечу курсанта офицер, - тут, прежде всего, главенствует здравый смысл. Они, - Шумелков кивнул в сторону всех остальных, - ничего не умеют, и их можно учить всему, но не много, третий разряд максимум за это время. Вы же с Гавриленко уже подготовленные бойцы. Имеющие свои наработки и переучивать вас за три месяца в универсалов – значит просто ломать вас, то есть, только портить. Вам ваших школ спортивных хватит за глаза, деритесь, как умеете, позже наложу на это спецуху и выйдет очень здорово. Но чтоб в бою совсем не оплошать, тебе как раз пригодиться понять, что делать в партере, а ему – как бить руками. А для этого полчаса в день хватит за глаза.

Дальше мы бегом строем с песней отправились на обед, точнее побежали не все. Старшина Бадейко приказал строиться всем в четыре шеренги, а после приказал рассчитаться по двое.

- Тренируемся уносить своих раненых с поля боя, - объявил старшина, - первые номера берут на закорки вторых и несут на обед.

- Это не справедливо! – возразил один из курсантов.

- Фамилия?
- Старостин.
- Зовут как?
- Юрой.

- Так вот курсант Юра Старостин, - душевно произнес Бадейко, - могу тебя разочаровать – жизнь вообще штука не справедливая, но для тебя я могу сделать сегодня исключение. Ты будешь сейчас не первым номером, а вторым.

Удар старшины был настолько быстр, только некоторые смогли его разглядеть и оценить по достоинству. Одним из их числа был Зверев, благодаря занятиям боксом и умению видеть удар. Старшина ударил мыском сапога в середку ляжки курсанта и тот сразу же повалился наземь и взвыл нечеловеческим голосом.

- Ну, и чего стоим? Кого ждем? – обратился Бадейко к курсанту ставшему внезапно первым номером, - берем на плечи раненого товарища, и несем в медсанчасть, а то вдруг гангрена начнется. Скорее несем!

- А где тут медсанчасть товарищ старшина? – парень не понял шутки командира и решил, что скулящего от боли товарища, действительно нужно оттащить в санчасть.

- Вот ты мать-перемать, - сплюнул Бадейко, - в столовую его тащи, обедать. Рота, условно раненых бойцов поднять! В столовую бегом, марш! Песню запевай!

Зверев ухватил своего «условно раненого» товарища и побежал со всеми в строю. Когда прозвучала команда запевать песню, он подумал, что это дело отдыхающих «раненых», оказалось, нет. Петь пришлось всем. Вы когда-нибудь бежали с человеком на плечах, да еще горланя песню? Ощущения не передаваемые.

...Голова обвязана, кровь на рукаве,
След кровавый стелется по сырой земле...

Обед был не менее вкусен, чем завтрак, и в голову никому уже не приходили вопросы почему это так. Курсанты смирились с этим, их сейчас волновало другое: что с ними сделают после обеда? Выходили из столовой парни с разными чувствами. Вторые номера с грустной миной на лице, им предстояло тащить на себе своих сокурсников. Те же выходили из столовой расслабленные в надежде хоть немного, но отдохнуть.

- Курс, - заорал вездесущий Бадейко, - в колонну по четыре становись, таким же маневром, как и сюда за мной бегом марш!

Димку взвалили на плечи, и он почувствовал себя маленьким ребенком, которого отец несете на первомайскую демонстрацию. Не хватало только красного флажка и красного же шарика в руках.

Душа отдыхала, а глаза смотрели по сторонам. В школе смотреть было не на что. Постройки были стандартные, быстровозводимые и так же в случае необходимости их можно было быстро разобрать и передислоцировать на новое место, а там заново собрать. Много было каких-то странных, еще неизвестных курсанту сооружений, но на них если взгляд и задерживался, то от непонимания и сразу переходил на более понятные постройки. Время будет, инструктора и преподаватели разъяснят, что к чему. Курс направлялся куда-то на северо-западную периферию лагеря, и потому бежали вдоль внешнего забора. А за забором было хорошо. Шумели деревья, трепеща своими еще не опавшими листьями. Синел огромный небесный океан, редко перебегаемый небольшими стадами кучерявых облаков. Щебетали птички и кое-где по веткам прыгали белки. Ляпота. А самое главное не было слышно ни артиллерийских выстрелов, ни разрывов падающих бомб, ни визга самолетных двигателей, ни скрежета гусеничных траков, ничего из этого тут не было, только щебетание птиц и шелест листьев в кронах деревьев.

Поставили на землю Зверева скоро, долго расслабляться не получилось. Т, что он увидел перед собой, повергло его в шок. Огромная площадка была отдана под всяческие развалины, обломки зданий, рывины, канавы и другие всевозможные нагромождения. Об этом Зверев много слышал, но видеть не приходилось.

- Перед вами товарищи курсанты так называемая тропа разведчика, - отрекомендовал капитан Шумелков, уже поджидающий курс у «тропы», - тут мы собрали все возможные препятствия, которые могут встретиться разведчику в его нелегком деле. Норматив прохождения «тропы» составляет двенадцать минут, но так как вам дано всего шесть месяцев на подготовку, для вас выпускным нормативом будет «тройка», что значит пятнадцать минут. Сейчас же у вас будет не зачетный забег, но время будет засекается. Это нужно для того, чтоб выявить отстающих и неподготовленных курсантов и потом усилено с ними заниматься. Но это не означает для сумевших вписаться в нормативы вольницу и леность на весь дальнейший срок обучения, вкальвать полгода будут все без исключения, просто те, кто в норматив сегодня не впишется, будут это делать чуточку больше.

Зверев осмотрел всю «тропу» сначала и до конца, и к горлу привалил ком. Он не сомневался в своей физической кондиции, но это было для него ново, и страх оплошать все равно его обуял.

Первоначально, сам капитан Шумейко, показал им нерадивым курсантам, как надо проходить препятствия, в какой последовательности, а самое главное - каким образом лучше всего это делать. Потом он же прошел это на время, показав учебной роте идеал, к которому надо стремиться, вписавшись в заветные двенадцать минут. А потом начали выходить на старт курсанты, в алфавитной последовательности. Так как буква «З» была почти в начале алфавита, Звереву пришлось идти на старт в первой десятке.

Димка не любил крайности в очереди. Он всегда любил золотую середину, когда на тех же экзаменах преподаватели уже устали слушать студенческий бред, но не настолько, чтоб уже начать ненавидеть защищающихся. Первыми всегда идут отличники-ботаники, а таким Димон никогда не был. Хорошистом – да, а вот батаном нет. Бокс не давал полностью погрузиться и раствориться в учебе. Последними идут отстающие, в надежде на усталость учителей и надежде, что любой их бред позволит им натянуть на троечку. Зверев и так не любил. Он любил в серединке, как говорил один из его сокурсников Сашка Уксумбаев: на вяленький, но не упавший.

На «тропе» очередность тоже играла роль, но не была такой, как на экзаменах. Первые шли в неизвестность, проходили «тропу» так сказать с нуля, зато потом сидели на лужайке и отдыхали. Последние же могли видеть ошибки других, понять, как и что нужно проходить и выдать это все на-гора в своем забеге, но до того их трясло от нервов все предыдущее время. Средненьким здесь тоже было выгодно бежать, и недолго нервничаешь и уже посмотрел, как проходят полосу другие, но заглавная буква фамилии и алфавитный порядок не давали курсанту Звереву возможности выбирать.

- Зверев!

- Я!

- На исходную! Готов?

- Так точно.

- Пошел!

И Димка пошел, а точнее побежал. Сначала было не трудно. Тонкое бревно он преодолел играючи, через деревянный забор по шею высотой перевавил легко. Рукоход высившийся над огромной искусственной лужей тоже много сил не отнял, как и змейка после него. Потом пришлось падать на землю, и ползти по-пластунски под колючей проволокой. Земля была не очень теплая, и это доставило немного неприятности, так как тело еще не разгорячилось бешеной гонкой и холод воспринимало негативно, а не как радующую прохладу. Все это не вызывало в

Димкином сердце трепет, что-то наподобие он уже преодолевал на занятиях в ОСВИАХИМ. Но вот дальше пошли препятствия специфичные именно для разведчиков, и тут пришлось даже голову поломать, понимая, как их преодолеть можно. Благо он не был первым и видел, как преодолевал эти препятствия Шумелков и первые курсанты. Но одно дело видеть все это со стороны, другое – исполнять все самому на скорости.

Вылезая из-под проволоки, следовало сразу перемахнуть двухметровый дощатый забор. Все вроде нормально, но сделан он был правильно, и верх его был не ровный, как у предыдущего, а состоял из заостренных досок. Но чего ж мы в деревню к бабушке не ездили и в сад к соседу за яблоками с деревенскими парнями не лазили? Опыт юности не предал и позволил Димке перемахнуть через препятствие, почти не задумываясь, на одних рефлексах. А за этим деревянным забором шел металлический, изготовленный из кованых прутьев, с заостренными пиками вверху. Этот был посложней, хотя тоже не вызывал у деревенской детворы больших проблем. Тут надо было не торопиться, дабы не сесть на острый шпиль задницей, и аккуратно ставить ноги меж заостренных окончаний.

Тело уже дышало раскаленным огнем, кровь струилась по венам лавой, а на лбу начали проступать первые капельки пота. Каменная стена, встретившаяся на пути не вызвала испуга, ее не нужно было преодолевать через верх, а достаточно было шмыгнуть в один из нескольких провалов. Зверев выбрал пошире, дабы не стукнуться при прыжке и прыгнул рыбкой, при приземлении мягко пришел на руки и скрутился в кувырок. И тут же из кувырка вставая на ноги, не замедляя движения, попытался взбежать по разрушенной стене на второй этаж фасада разрушенного здания. Но не тут-то было. Кирпичи под ногами были битые и неровные, некоторые шатались и норовили вывернуться из-под ног, поэтому скорость пришлось сбавить на первых же шагах, а в некоторых местах еще и помогать себе руками. Спрыгнуть со второго этажа Димке было уже проще. Он не боялся высоты, и даже как-то перед войной все в том же ОСВИАХИМЕ прыгнул с парашютом пару раз, дабы доказать себе, что он может. Тут, как и при приземлении с куполом, нужно приземляться на полусогнутые ноги и сразу валиться в кувырок, чтоб не сломать свои нижние конечности и не выбить суставы.

Впереди был еще один фасад, но уже не такой высокий, да притом еще и с сохранившейся внутренней лестницей, которой курсант не преминул воспользоваться. Но оказалось, не это было основным заданием этого препятствия. Спуститься нужно было по дымоходу, на манер трубочиста. В темный зев кирпичной трубы было спускаться жутко, все Димкино естество протестовало этому, но делать было нечего, пришлось спускаться, вытянувшись внутри в струну, дабы не биться боками о стенки. В бою, бывало, еще страшней, ничего – выжил. Дымоход не доходил до земли примерно метр, поэтому пришлось из него еще и вылезать, теряя важные секунды на это.

Зверев хотел уже стартовать с места со всей скоростью, на какую он был способен, но этого не случилось. Впереди был обширный участок земли, заваленный разными по размеру и форме валунами, и бежать через них было опасно. Неправильно второпях ногу поставишь – все подвернул как минимум. За каменным участком, был похожий, но созданный из навала бревен, имитирующий, наверное, бурелом. Тут тоже не ускоришься, а вот сил на преодоление приходится тратить много.

После бурелома и «каменной реки» был небольшой окопчик, из которого вел узкий и низкий ход под землю. Преодолевать его пришлось гуськом, нащупывая дорогу вперед на ощупь. Пот все сильнее и сильнее застилал лицо, и залитым глазам не хватало толики просачивающегося света в этом туннеле. Закончился он, как и начался в небольшом окопе, где на небольшой земляной площадке лежали имитации гранаты. Зверев схватил первую попавшуюся, резко выглянул из окопа, увидел мишень и не прицеливаясь, бросил в нее гранату. Попал или нет, он выяснять не стал, не до того было. Меткостью на зачете будем блистать, сейчас такой задачи для курсантов не ставили. Выбравшись из окопа, Димка перемахнул бетонную стенку в три

метра высотой. Бетон он чем хорош? Шероховатостью. За него ноги даже в кирзачах цепляются немного, поэтому три метра не были непреодолимой преградой. Разбежался, подпрыгнул, оттолкнулся ногами, повис на руках, подтянулся и в общем-то все, считай, перелез, только спрыгнуть осталось.

Дальше шла кирпичная стенка примерно той же высоты, но уже без проломов. Пришлось лезть, так же, как и по бетонной. Кирпич он еще лучше, чем бетон, меж самими кирпичами и застывшим раствором всегда есть зазор, который можно использовать как ступеньку. Но как только курсант Зверев коснулся руками верхнего края стены, он их тут же отдернул и свалился обратно на землю. Верх был весь засыпан битым стеклом. Сплюнув на немного порезанные ладони и пальцы, Димон схватил пилотку и сунул за ремень, так вытаскивать будет проще и быстрее. Повторил запрыгивание на стенку, а перед тем, как ухватится за верхний край, держась одной рукой, второй закинул туда пилотку и уже на нее поставил руку.

В жилах билась бешенная кровь, норовя порвать вены, в висках стучали огромные барабаны, какие Зверев видел один раз на концерте в консерватории, куда водил тогдашнюю пассию, милашку с курчавыми волосами, Юльку Саранскую. Но отдыхать еще было не время, впереди маячила снова бетонная стена, но теперь уже в три человеческих роста. На бегу ужаснувшись, Димка мысленно махнул рукой, и на авось оттолкнулся и пригнул повыше. И только вцепившись в шероховатые края и прильнув к холодному бетону, он разглядел, что в самой стене то здесь, то там есть небольшие углубления. Смекнув это дело, он начал медленно, но верно ползти вверх, цепляясь за эти углубления. Перевалив через эту стенку, он увидел перед собой кирпичную, небольшую, почти близнеца той со стеклом.

- Что это у них с фантазией к концу поплохело? – удивился парень про себя.

Говорить вслух – тратить лишние силы и сбивать дыхание, а этого делать сейчас ну никак нельзя.

Умудренный опытом, перед тем как закинуть руку на самый верх, курсант Зверев осторожно ощупал поверхность. Стекла не было. И только перевалив через верх, он понял, с фантазией у начальства все было хорошо. Под стеной был выкопан ров, и чтоб его преодолеть, нужно было прыгать сильно оттолкнувшись от стены. Можно, наверное, было и в воду прыгнуть, но никто не скажет какое там дно и тем более какая там глубина. Рисковать Димка не стал.

Мягко приземлившись и перекатившись кувырком, погасив тем самым скорость и силу приземления, курсант разведшколы Дмитрий Николаевич Зверев вздохнул, увидев, что ждало его впереди. Странная система натянутых высоко над землей веревочных и железных тросов. А подняться на нее ему предстояло по канату. Лазанье по канату, как говорил когда-то его физрук в школе, есть самый лучший способ развить все мышцы тела. Как способ развития оно это конечно хорошо, но вот лазить по нему на «тропе» это отдать кучу сил, нужных для прохождения дальнейших испытаний. Так как в советской школе лазанье по канату было в основном курсе физкультуры, Димка забрался по нему наверх без проблем, и оказался на небольшой площадке, расположенной на дереве, к другому дереву вели два натянутых друг над другом троса. Ухватившись за верхний трос, курсант Зверев пошел вперед, аккуратно наступая ногами на нижнюю веревку.

- Спасибо тебе родной ОСВИАХИМ, что позволил попробовать это еще в юности, – прошептал будущий офицер разведки, вымывая каждый шаг.

Встав точно на такую же площадку, приколоченную к другому дереву, Димка увидел перед собой полочку с метательными ножами. Впереди на этом же уровне, на следующем дереве, была приторочена деревянная мишень с корявым изображением фашиста, с торчащими из нее парой воткнутых ножей. Димон вспомнил, сколько ножей бросал на показательном прохождении Шумелков, схватил нож и бросил его в цель. Нож воткнулся в дерево мишени, но не сильно, стукнулся рукоятью и остался висеть на краешке лезвия, норовя упасть в любой момент от самого малейшего прикосновения или сотрясения. Димка неплохо кидал

ножи, но сейчас задачи точно попасть в цель не стояло, и он бросил на авось и, не дожидаясь, когда нож долетит до мишени начал спуск с дерева по вбитым в ствол скобам. Несколько раз он срывался, соскальзывая то руками, то ногами по скользкому металлу скоб, но каждый раз ухитрялся ухватиться за них в последний момент. Спрыгнув с последней скобы на землю, Зверев остановился, согнулся пополам, выдохнул глубоко пару раз, приводя дыхание в порядок, выматерился тихо, и продолжил бег, как бы этого и не хотелось.

В этот раз подниматься на дерево предстояло по веревочной лестнице, и площадка была расположено несколько ниже, чем предыдущие. А вот с площадки под острым углом вниз вел тонкий стальной трос, на самой же площадке валялись несколько десятков небольших металлических трубок, согнутых под разными углами. Недолго думая, курсант схватил одну из трубок, повесил ее углом на трос, схватился за свободные концы и, оттолкнувшись ногами от площадки и начал съезжать вниз по тросу. Скорость к земле была очень высокая, трос попросту втыкался в землю, и Димка, не дожидаясь конца троса, как только ноги слегка смогли коснуться земли, отпустил концы железки. По инерции пробежал несколько шагов и ушел в кувырок, гася оставшуюся скорость.

Остановился он перед высоким проволочным забором, увидев зазор между землей и проволокой, рыбкой нырнул туда и прополз. А вот следующий забор был хуже, хотя и ниже, но вот зазор у него отсутствовал. Пришлось снимать с себя гимнастерку, кидать сверху и залезать по ней. Третий забор был самым сложным. Он был, как и второй низким, но по гудению исходящему от него, можно было предположить, что он под напряжением. А это меняло тактику его преодоления в корне. Зверев осмотрелся вокруг и заметил лежащую у самой проволочной ограды деревянную рогатину. Видимо специально для этого сюда положенную. Схватив палку, он с ее помощью поднял нижнюю проволоку, сделав зазор между ней и землей, и прополз там. Было неприятно ползти под гудящей и сыплющей маленькими искорками преградой, но вряд ли в нее запустили большой по силе ток, задача-то была проверить курсантов, а не убить каждого неосторожного из них.

А впереди были железнодорожные пути. И естественно они располагались на крутой насыпи, иначе и смысла в них не было. Взобравшись на взгорок на четвереньках, Димка посмотрел в обе стороны, в принципе это было не нужно, вряд ли на двадцатиметровых рельсах откуда-нибудь мог взяться поезд, но привычка была наработана годами, и ничего поделаться с собой боец не мог. Спустился с насыпи он, скользя на ногах. Финиш уже виделся невдалеке, но нужно было еще пройти вкопанную в землю трубу, диаметром в половину человеческого роста, да еще притом, заполненную наполовину водой. Согнувшись в три погибели, гуськом, курсант втиснулся во внутренности этой трубы, повернув голову так, чтоб можно было дышать. Если инструктора разведшколы хотели этим обозначить канализацию, то у них это здорово получилось. Вода в трубе была затхлая, протухшая. Димку прямо выворачивало от нее на изнанку, но приходилось идти, не смотря, ни на что. Выбравшись из трубы и пробежав еще несколько метров до линии обозначающей конец «тропы разведчика», курсант Зверев упал на четвереньки, шумно выдохнул и распластался на земле лицом вниз. Сил не было даже сидеть.

- Четырнадцать минут сорок девять секунд, - прозвучал результат его забега и перевернувшись на спину, Димка улыбнулся.

Он смог, на грани, но смог пройти «тропу», вписавшись в норматив. А еще его радовало, что фамилия его начиналась на букву «З», и он по алфавиту шел в первой десятке. Он уже отмучился и мог отдыхать. Пока всякие Старостины и Яровые будут сначала нервничать, а потом бежать «тропу».

Когда последний из курса прошел тропу, Димка даже успел немного отдохнуть и прийти в себя. Потом они строем добежали до столовой, поужинали и вернулись в расположение роты, для проведения личного времени. Личное время пролетело незаметно за отстиркой штанов и гимнастерки, и пришиванием подворотничка. В первый день руководство не стало ставить

новоприбывших в наряды, и после команды отбой, все курсанты рухнули на кровати, как подкошенные. Пролетел первый день учебы, оставалось еще шесть месяцев, точнее шесть месяцев без одного дня, а это куда уж как меньше.

Утро встретило курсантов привычным криком: Рота подъем! На зарядку выходи!

- Какая зарядка... - спросил кто-то сонным голосом, - война вокруг, а они зарядка....

- Обычная зарядка курсант, - старшина Бадейко был уже одет, чисто выбрит, подтянут, и сиял, словно начищенный сапог, - ты в разведшколе, а тут свои законы.

Послышался шум и звук падающего на пол тела, короткий вопль и сразу слова старшины.

- Кто-то еще хочет поспорить про нужность зарядки?

Курсант Зверев решил не осложнять себе жизнь и не проверять возможные последствия дальнейшего лежания на кровати. Он резко вскочил как ужаленный, запрыгнул в штаны, замотал портянки и впрыгнул в сапоги, а сверху натянул гимнастерку, и только потом сообразил, что не было объявлено номера формы одежды.

- А форма одежды вторая или третья? – крикнул Димка на всю казарму.

- Вторая, конечно же, кто ж в третьей то бегают на зарядке, - хмыкнул кто-то.

Старшина ничего не ответил на его вопрос и это напрягло Зверева. Обычно старший сержантский состав и младшие офицеры отвечают даже на самые дурные вопросы своих подчиненных, если, конечно, не задумано никакой каверзы. А молчание старшины и его ухмыляющаяся мина, как и сияние начищенным самоваром намекали на устроенную им каверзу большими, аршинными буквами на его широком лбу. Поэтому Зверев решил закосить под дурачка и гимнастерку не снимать. О чем, выбежав из казармы на улицу, ничуть не пожалел. В гимнастерках кроме него оказалось еще пяток курсантов, заподозривших в оглашении формы одежды какую-то подставу.

У казармы на улице их ждали набитые вещмешки. Судя по пыли на них, набитые камнями.

- Каждый взял на плечи вещмешок и бегом за мной! – скомандовал старшина и взвалил один из рюкзаков себе за спину.

Вот тут Зверев порадовался своей смекалке. Бежать с пыльным вещмешком на голое тело было очень неприятно. Бежали они, как оказалось десятку. Многие курсанты, выбежавшие на зарядку по форме одежды номер два, уже на середине пути матерились на чем свет стоит, так как матерчатые лямки пропитались потом и терли до нестерпимой боли места соприкосновения с обнаженным телом бегунов. Намокшая же от пота гимнастерка причиняла куда как меньше неприятности. Десятка, как и предполагалась для утрени разминки окончилась там же, где и началась, возле дверей казармы.

- Рота, пятнадцать минут на умывание и туалет, потом построение тут для похода на завтрак. Бегом марш!

Пятнадцать минут на тридцать человек, при учете наличия в сортире пяти очек, а в умывальнике пяти раковин. А еще нужно умыться, побриться и заправить свою постель. Ту не то, что бегом марш, тут рысью командовать нужно. Но, хочешь, не хочешь, а с поставленной задачей справились все. Опоздавшим на построение никому быть не хотелось. О том, что на завтрак рота отправилась бегом, даже мухи не кашляют.

После утреннего приема пищи, после десяти километров бега, казавшегося вкуснее всего на свете, поступила команда: получить на складе маскировочные халаты, каски и пистолет-пулеметы ППШ и быть готовыми к новой учебной задаче. Так начались у учебной роты занятия по топографии.

Вел топографию немолодой капитан Скворцов. Мужик на первый взгляд совсем не пригодного для разведчика телосложения, худой и высокий. Но стоило ему раздеться хотя бы по пояс, сразу становилась видна вся его жилистая сущность. Выносливости он был невероятной. Ученья проходили за забором школы в окружающем ее лесу.

- Долго размусоливать вам введение не буду, - начал первое занятие Скворцов, - азы вы и так должны знать. Местность – есть часть земной поверхности. Совокупность неровностей называют рельефом. От рельефа местности участка, зависит вооружение и тактика войны находящихся на нем войск. Пример: если на карте обозначено болото, то только идиот будет искать там танковую дивизию, а если вам выпало разведывать лес, то дураком там искать аэродромы, если конечно вы не встретите на своем пути просеку способную разогнать самолет до взлетной скорости. Понятно?

Курсанты промолчали.

- Смотрю, вам уже успели вдолбить, что молчание – золото, - усмехнулся капитан, - тогда продолжаем. Ваша задача, как будущих офицеров разведки и командиров групп, перво-наперво, определить проходимость местности нужного вам участка. Это в первую очередь нужно для прохода группы, а во-вторых, возможно, пригодиться для определения ширины фронта наступления противника, а также возможность применения различных видов транспорта и вооружения на данном участке.

Курсанты слушали затаив дыхание, словно слышали это в первый раз. Хотя действительно многие слышали теорию впервые, большинство учащихся попало в разведку во время войны за их какие-либо личные качества или за знание немецкого языка, и лекции по топографии им в полку никто не читал, а быстро учили ориентироваться на местности и кидали в бой.

- Определяющим фактором проходимости местности является разветвленная дорожная сеть, - между тем продолжал Скворцов, - чем больше дорог, тем местность более проходима и приспособлена для использования максимального разнообразия техники и вооружения. Для разведчиков же это, наоборот, плохо, так как такая местность увеличивает шансы встретить патруль или наткнуться на врага. В малопроходимой болотистой местности или в горной значение дороги для войск увеличивается. В таких местностях, по малочисленным дорогам гонят технику и обозы, а также передвигаются по возможности все рода войск, включая и пехоту. Передвигаться по таким дорогам разведчикам очень опасно, но вот засады и диверсионные акты устраивать одна радость, так как точно знаешь, что рано или поздно тут проследует нужный для тебя объект.

Зверев обернулся вокруг и слегка улыбнулся. Многие курсанты, уставшие на утреннем кроссе, внимательно слушая капитана, начинали засыпать. Преподаватель это видел, но ничего не предпринимал по этому поводу.

- Проходимость местности вне дорог определяется ее пересеченностью. Всякие овраги и холмы, болотистые участки и горные, реки, озера, а так же большие массивы лесистой местности затрудняют использование и передвижение танковых частей и других авто и мотоподразделений. Упор лежачий принять! Полтора!

Курсанты подпрыгнули почти все в единый миг и замерли в приказанной позе. Капитан так же находился в упоре лежа с полусогнутыми руками.

- Значит так бойцы, первый и последний раз объясняю, - спокойно говорил Скворцов, не взирая, на напряжение рук, - спать на лекциях нельзя. Вы разведчики и должны будете долго находиться в неподвижной позе, борьба со сном ваша непосредственная обязанность. Закимарил и все – провалил задание, попался врагам в плен. Понятно? Все, кто чувствует приближение сна - могут попрыгать или отжаться пару десятков раз, это не возбраняется. Если понятно всем, то поднимаемся и слушаем лекцию дальше.

Сон у курсантов как рукой сняло.

- Защитные свойства местности – это свойства, дающие противнику, в скобках – разведгруппам, скрывать свое пребывание, а также свойства - ослабляющие поражающие действия оружия и применения техники, - продолжал инструктор. - Правильное определение и использование защитных свойств местности облегчает организацию защиты личного состава и от

поражающих факторов различных видов оружия, а так же скрытное передвижение разведывательных групп. Это понятно?

- Так точно, - вразбой, но хором ответили курсанты, побоявшись, что молчание может расцениваться как сон.

- Хорошо, продолжаем, - кивнул Скворцов и принялся дальше доводить до курсантов матчасть. - Защитные свойства местности определяются, прежде всего, характером рельефа, растительного покрова, наличием на местности естественных различных и искусственных укрытий, способных полностью или частично обеспечить защиту подразделений (1).

Кто-то из курсантов начал приседать, открывая тем самым слипающиеся веки, кто-то опустил вниз и начал отжиматься. Кто-то дергал себя за мочку уха, щипал за разные места, были и такие, кто бил себе пощечины.

- Мы подходим к самому нужному в топографии для разведчика, - акцентировал голосом инструктор. - Условия ориентирования - это свойства местности, способствующие определению своего местоположения и нужного направления движения относительно сторон горизонта, окружающих объектов местности, а также относительно расположения своих войск и войск противника. Они определяются наличием на местности характерных элементов рельефа и местных предметов, отчетливо выделяющихся среди других объектов по своему внешнему виду или положению и удобных для использования в качестве ориентиров.

Димка почувствовал, как глаза сами собой слипаются, тряхнул головой, сбивая оцепенение и продолжил слушать инструктора.

- Условия наблюдения - это свойства местности, способствующие получению сведений о противнике, - меж тем излагал теорию Скворцов. - Они определяются степенью просматриваемости окружающей местности, дальностью обзора и зависят от характера рельефа, растительного покрова, наличия населенных пунктов и других объектов, препятствующих обзору местности. Маскирующие свойства местности - это свойства местности, позволяющие скрыть от противника расположение и передвижение личного состава и боевой техники. Они определяются наличием естественных укрытий, образуемых формами рельефа, растительным покровом, населенными пунктами и другими местными предметами, а также общим характером, цветом и пятнистостью местности. Хорошими маскирующими свойствами обладает пересеченная местность с лесными массивами и многочисленными населенными пунктами. Так, лощины", балки, овраги - создают благоприятные условия для укрытия подразделений. Наиболее удобными естественными укрытиями для подразделений являются леса.

Тут капитан Скворцов посмотрел на часы и объявил, что времени до обеда осталось не так много, поэтому отложим лекцию на потом, а сейчас проверим: как каждый из вас умеет ориентироваться в лесу по компасу и приметам и ходить по азимуту.

Этим курс занимался вплоть до обеда, а после обеда с этим же капитаном Скворцовым курсанты пошли на речку.

Речка тут была не большая, перемплойка, можно сказать. Название сего водного препятствия никто из курсантов не знал, а спрашивать никто не осмелился была она метров двадцать в ширину, хотя если судить по крутобокому оврагу, когда-то эта речка была широка и глубока. Овраг действительно был крут спусками, и от самого леса шел резко в низ, к речке, курсантам пришлось приложить немало усилий и сноровки, чтоб спуститься к реке. Но как бы, не были круты косогоры, и на них росли деревья. Небольшие тонкие березки с кривыми стволами, извиваясь, устремляли свои ветви вверх к небу и солнцу.

- Умеете ли вы плавать, спрашивать не буду, - начал свой урок капитан Скворцов, - в разведку обычно не берут не умеющих плавать людей, а если и берут, то сразу учат, ибо рек вокруг много и броды не на каждой имеются, да еще и указываются. Плавать вы умеете априори. Но перед тем, как приступим к дальнейшей учебе, напомним вам старую русскую пословицу: не зная броду, не суйся в воду. Это должно быть вашим девизом, при преодолении водных пре-

град и действий в районе водных рубежей. Прежде чем переправляться хотя бы через неширокий ручей, нужно разведать все подступы к нему и местность в районе переправы, обследовать саму водную преграду.

Скворцов осмотрел курсантов и ткнул пальцем в Зверева.

- Вот вы курсант, что можете сказать о путях подступа к этой реке, местности вокруг и самой реке?

- Подступы к реке, - Димка осмотрелся, - не очень хорошие, но спуститься можно. Крутизна склона опасна для отхода в спешке, можно второпях подвернуть ногу. Деревья на склонах есть, но редкие, поэтому обзор преследователям загораживать не будут, трава тут вряд ли даже летом растет высокая, и при преследовании группы врагом, при спуске будет расстреляна с высоты. Хотя все те же факторы играют и на группу, и создают почти невозможность засады на столь открытом пространстве.

- Высшее образование есть? – спросил неожиданно Скворцов.

- Незаконченное, - пожал плечами Дима.

- Видно, - кивнул инструктор. – Что скажете насчет реки?

- Река не широкая, с вялым течением, - осматривая реку, проговорил курсант, - если нет тяжелых или ценных грузов, раненых или людей не умеющих плавать, можно переплыть. Если есть, то нужно искать брод.

- Хорошо, с вами все, - удовлетворенно кивнул капитан. – Вот вы, - палец уткнулся в курсанта Старостина, - скажите мне, как определить брод и вообще дно водоема?

- Обследуют переправу или отыскивают брод трое хороших пловцов. Один из них переходит реку с охранением веревкой и исследует дно палкой. Он устанавливает глубину и характер дна и определяет, имеются ли ямы или другие препятствия. Второй боец держит конец веревки и в нужный момент оказывает передвигающемуся бойцу помощь. Третий боец ведет наблюдение, держа оружие наготове. Обследовать переправу можно и без страховки. Место переправы, брод и выход на противоположном берегу, в случае надобности, обозначаются ясно видимыми знаками, - без запинки процитировал устав курсант Старостин.

- Хорошо, - согласился Скворцов, - давайте вместе с вами и отметим тут брод. Третий нам тут не нужен, врага не предполагается, я буду держать конец веревки, вы будете измерять брод.

- Так холодно же, - глаза курсанта расширились.

- А вы собираетесь воевать только в теплую погоду, когда купаться можно? – хмыкнул капитан. – Радуйтесь, что вас не зимой направили в разведшколу. Мерить брод шагом марш!

Делать нечего, пришлось Юре Старостину раздеваться по пояс, обматываться веревкой и лезть в прохладную водичку – обозначать брод. Речка оказалась хоть и не широкая, зато глубины хватало, в некоторых местах проходчик и с головой под воду уходил. Все стояли, слегка улыбаясь и где-то внутри, правда, далеко внутри, сочувствовали ему. Все надеялись, что на нем и закончат. Не тут-то было. Когда мокрый, замерзший Юрий вылез из воды и судорожно дрожа начал одеваться, капитан Скворцов оглядел рожи остальных курсантов и хищно улыбнулся.

- А вы чего расслабились? Думали, вас минует чаша сия? Все разбились на пары и попробовали сделать то же самое по очереди.

Приказы командования не обсуждаются. И вот уже пол курса, а затем и вторая половина лезет в холодную воду под злую улыбку первопроходца. Когда все попробовали и наскоро обтершись, оделись, капитан осмотрел курс, и хмыкнул.

- Зря вы это парни, нам еще долго учиться преодолевать водные преграды сегодня. Надо еще одеваться и раздеваться.

И он был прав.

- И так, следующая тема нашего занятия, - продолжил Скворцов, - переправа через горные реки и ручьи. Все вы знаете, что наша родина, Советский Союз, богата различными ландшафтами и природными полосами, в которых разведчик должен ориентироваться, словно у

себя в комнате. И так, горные речки и ручьи лучше преодолевать в первой половине дня, так как во второй они становятся более полноводными. При возможности перепрыгиваются. Если такой возможности нет, и течение не сильное, то преодолеваются по торчащим из воды валунам, выбирая самые узкие и скрытные места. Для скрытности преодолеваются такие не быстрые ручьи и реки вброд по одному и парами, желательно с берегов полных обильной растительности. Если же речки широки и имеют бурное течение, то их переходить следует вброд парами или группами по три-пять человек, обмотавшись веревкой на манер альпинистов, или при ее отсутствии, крепко взявшись за руки. Понятно?

- Так точно, - еще подрагивая от холодной воды, ответили курсанты.

- Тогда перейдем к практическим занятиям, - удовлетворенно сказал капитан Скворцов. – Вот вам река, при небольшой работе фантазии она легко представляется как горная. Ваша задача: преодолеть ее, при условии не сильного течения. Разбиваться на группы можете самостоятельно. Выполняйте.

Курсанты разбились по группкам, и стали раздеваться и пересекать речку парами. Звереву эта идея пришлась не по душе, и он решил пораскинуть мозгами, пока снимает китель. Ведь не зря же Скворцов давал несколько способов преодоления спокойной горной реки. Первый был – перепрыгнуть, но это отпадало, сразу с одного прыжка двадцать метров не перепрыгнешь. Второй – перейти по торчащим валунам, только третий – форсировать вброд. Димка осмотрел все видимое русло в поисках камней, и удача сопутствовала ему, хотя и не полностью. Большие валуны прорезали поверхность реки на ее изгибе, видимо там было мелко, но пересекали не всю водную гладь, немного не дотягивая до берега, хотя, там продолжая дорогу, лежал поверженный ствол упавшего дерева. Оставалось только узнать, распространяется ли фантазия не только на саму реку, но и на способы преодоления ее.

- Товарищ капитан, разрешите обратиться? – громко спрашивать Димка не стал, подошел к капитану почти вплотную.

- Обращайтесь курсант... Зверев, если не ошибаюсь?

- Так точно, Зверев.

- Что вы хотели спросить курсант Зверев?

- Можно ли считать при предложенной вами доле фантазии поваленное дерево - дорожкой валунов?

- Нет, конечно, - улыбнулся Скворцов, и посмотрел в сторону предполагаемого Зверевым места переправы. – Зачем считать дерево камнями, если его можно считать деревом? Вы можете переправиться через речку по лежащему поперек него дереву?

- Могу, - утвердительно кивнул курсант.

- Тогда в чем же дело?

- Но вы сказали по валунам, а про дерево не сказали.

- В горной местности, курсант Зверев, редко встречаются поваленные через реку деревья, все больше валуны лежат на дне, поэтому предполагается, что пересекать вы реку будете почти всегда по ним. Но нельзя же буква в букву следовать инструкции, нужно и свою голову подключать иногда. Вот если бы в горах вы нашли поваленное через реку дерево, стали бы переправляться по нему или пошли бы дальше искать валуны?

- Стал бы, наверное.

- И что тогда вас тут останавливает?

- Уже ничего, - улыбнулся Димка.

- Тогда выполняйте задание.

Остальные парни, уже спустившиеся в воду, завидовали Звереву, лихо перепрыгивающему с валуна на валун, а потом и на дерево. Но Димка недолго радовался своей хитрости, так как следующее задание было преодоление горной реки с бурным потоком, и ему, как и всем пришлось раздеваться и лезть в воду, дабы пройти вброд группой, крепко держась за руки.

- Хорошо, сейчас я вам зачитаю правила передвижения в воде для разведчиков из методического пособия, но в связи с не очень благоприятной погодой для продолжительных водных процедур, на практике мы с вами это повторим в следующий раз. Понятно?

- Угу, - ответили курсанты, стуча зубами от холода, но радостные, что больше в воду сегодня лезть не надо.

- Итак, преступим, - продолжил Скворцов. - Способ передвижения разведчика в воде зависит от поставленной задачи, обстановки, глубины водного рубежа и растительности, находящейся в воде или около воды. Передвижение в воде, в полный рост или пригнувшись, производить небольшими шагами, используя для укрытия растительность; при глубине воды по грудь и выше делать руками под водой плавательные движения одноименные или разноименные. При необходимости скрытого движения в неглубоких местах передвигаться, низко пригнувшись, почти сидя, погружаясь в воду по шею, и двигаться на четвереньках с помощью рук. В некоторых случаях, можно передвигаться и под водой, дыша с помощью трубки из камыша или любого подручного материала. При вылезании из воды с топкими берегами, осокой, камышом практиковать для скрытого выхода ползание на боку или передвижение на четвереньках.

Разведчикам следует постоянно помнить, что передвижение в воде и переправы чаще всего производятся в наиболее выгодное время для скрытых действий, а именно - ночью или в сумерках. При этом передвижение в воде проводится с соблюдением полнейшей тишины, так как ночью звук особенно хорошо передается над водой. Все запомнили?

Курсанты что-то промычали не членораздельное.

- Ничего, в следующий раз пройдем все на практике, а сейчас на ужин бегом марш!

И когда курс построился и засеменял трусцой, капитан Скворцов крикнул уже в след.

- С песней!

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам Сталин дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца — пламенный мотор...

Никто из курсантов не знал, почему они запели эту песню, но запели слажено в едином порыве. Наверное, из-за ее популярности в довоенные годы. Тогда, в конце тридцатых и начале сорокового, авиация была в фаворе у начальства страны и песни про летчиков звучали из каждой второй радиоточки Советского Союза, а про летчиков и Сталина из каждой первой.

Бросая ввысь свой аппарат послушный
Или творя невиданный полет,
Мы сознаем, как крепнет флот воздушный,
Наш первый в мире пролетарский флот!

Все выше, выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.

Димка уже немного акклиматизировался с графиком разведшколы да постоянным бегом по территории и, привыкнув к этому, начал на бегу осматриваться вокруг. Если уметь бегать, то на бегу можно отдыхать. Да, тело напрягается, но зато голова отдыхает и нервы. Вон пехота, попервочку тоже ноет, когда долгие марши делает, а потом после лежки в окопах перед наступающими немецкими танками, пешком готова хоть весь день идти, только бы не в окопы под

танки. Ноги идут, а голова отдыхает, думки о доме думает. В этом случае, идти пешком легче, чем лежать, в окопе. Вот так и на бегу, ноги бегут, а голова отдыхает, над новыми задачами инструкторов не размышляет. Хорошо.

Наш острый взгляд пронзает каждый атом,
Наш каждый нерв решимостью одет;
И, верьте нам, на каждый ультиматум
Воздушный флот сумеет дать ответ!

Все выше, выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.

На территории разведшколы было мало чего примечательного. Множество деревянных барачков разной величины в зависимости от назначения. Дорожки были утрамбованными грунтовыми, обильно посыпанными песком. Все самое интересное было за жилым сектором разведшколы. Саму школу строили так, чтоб можно было ее в любой момент разобрать и перевезти на новое место, или бросить, не дав противнику, даже подумать о возможности пребывания тут какой-либо секретной базы.

Ужин и вечер прошли как обычно, без происшествий, при команде отбой, курсанты так громко, со всей душой закрыли глаза, что кажется даже дежурный гасивший в казарме свет слышал этот звук. А вот утро было неожиданным для роты разведчиков. После двадцати пятикилометрового кросса и завтрака, который никаким боком не хотел лезть в рот, после такой пробежки, их не послали куда-нибудь в лес, а посадили за парты в отапливаемом барачке. Кроме парт, тут еще был стол, скорее всего учителя, так как повернут он был лицом к залу и школьная доска с кусочками мел. Солдаты сразу начали шутить, что сейчас их заставят учить алфавит или чистописание. После десятиминутного ожидания, в барачок вошла блондинка средних лет в военной форме с пагонами майора советских войск.

- Guten tag meine herren (добрый день господа), - поздоровалась она с вставшими из-за парт курсантами, - hinsetzen (садитесь).

- Садитесь, - пробежался шепот по рядам, это знающие немецкий язык курсанты подсказывали сокурсникам.

- Heben sie ihre hand, die sie sprechen ein wenig Deutsch können (поднимите руку, кто из вас говорит хоть немного на немецком языке)?

Подняли руки восемь человек, включая Зверева.

- Wer weiß, wie zu lesen und zu schreiben (кто умеет писать и читать)?

Рук осталось четыре.

- Wer kann ohne zu zögern auf Deutsch erklären (кто может изъясняться без запинок и ошибок на немецком языке)?

Рука осталась только курсанта Зверева.

- Ihr vorname kadeet (Ваша фамилия курсант)?

- Зверев.

- Wie sing sie auf Deutsch wissen (Откуда знаете немецкий)?

- Einige HOCHSCHULINSTITUT für Fremdsprachen (Неоконченное, институт иностранных языков)/

- И до сих пор солдат? – удивлению майора не было предела.

- После окончания сего заведения буду офицером, - улыбнулся Димка.

- Давно пора.

Блондинка была хоть и средних лет и в военной форме, но красива. Большие синие глаза, модная до войны прическа, тонкий носик и пухленькие губки делали ее очень привлекательной. Офицерская форма не только не портила ее фигуру, а еще и придавала ей какой-то свой шарм. А еще она была в лодочках, а не в сапогах и юбка ее была подшита чуть выше, чем положено по уставу и открывала не только красивые коленки, но и немного нижнюю часть бедер. Зверев грустно вздохнул про себя: видимо засыпать ему сегодня придется под пыхтение и сопение с соседних коек и под скрип пружин солдатских кроватей.

- Вы были на курсе Ирины Альбертовны Гройсмах? - задумчиво произнесла она.

- Первые два курса, потом переведены всем курсом к Ивану Исааковичу Шварбергу.

- То-то я смотрю у вас мюнхенский акцент, - улыбнулась она лучезарной улыбкой, - моя фамилия Гройсмах, я сестра Ирины Альбертовны. Вы были когда-нибудь в Мюнхене или его окрестностях?

- Никак нет, не довелось.

- Выберите на карте Мюнхена какую-нибудь улицу и изучите досконально дома вокруг, если будете создавать когда-нибудь легенду, вам это пригодится.

- А может быть лучше тихую деревеньку в округе? – переспросил Зверев.

- Нет, для вас Мюнхен, - отрицательно покачала она головой, - в деревеньке все друг друга знают, можете наткнуться на земляка, а Мюнхен город большой, там и соседи через дорогу могут друг друга не знать. Тем боле вы не похожи на деревенского бюргера, в это никто не поверит.

- Понял, учту.

- Хорошо, - кивнула Гройсмах, - вы будете мне помогать. Наше начальство готовит вас как фронтовых разведчиков, и часов на язык выделило не так много, вплотную заняться всеми вами я не смогу. Вам Зверев придется подтягивать отстающих в свободное время. Вы согласны?

- А у меня есть выбор? – ухмыльнулся Димка.

- Думаю, что нет.

- Тогда согласен.

- Хорошо, тогда садитесь, продолжим урок, - жестом показал на стул Звереву Гройсмах и обратилась к остальным курсантам, - продолжим. Я буду давать вам немецкий язык с самого начала, кто не знает его, тот будет учить, кто знает повторять. И так, начнем с алфавита. А, В, С, D....

Как же хорошо было трусить на обед, без боли в мышцах и с ровно работающим сердцем. Хотя судя по многим унылым лицам сокурсников, Зверев догадывался, им гуманитарная наука дается тяжелее, чем физические упражнения.

После обеда курс был отдан в распоряжение капитана Шумелкова. На этот раз будущие офицеры разведки обучались владеть холодным оружием.

- Перво-наперво товарищи курсанты запомните, - после небольшой разминки для согрева связок и мышц начал рассказывать инструктор, - в любом бою с применением холодного оружия не допускается размен ударами. Кто-то обязательно захочет променять свою руку, на чью-то шею, здраво полагая, что жизнь противника дороже раны на руке. Выжив в бою, таким образом, вы можете попросту не смочь из-за раны на руке выполнить задание. Это нужно делать только в крайнем случае, так как некоторые раны на руках и ногах убивают не хуже пореза шеи. И если кровь из порезанной сонной артерии на шее еще как-то можно остановить наложив жгут через руку, это вам расскажут на медицинском курсе, то поврежденную бедренную артерию в районе паха вы не закроете никогда. Так что никаких разменов в бою с применением холодного оружия не допускается.

Шумелков расхаживал взад и вперед перед строем, объясняя курсантам простейшие истины.

- Будем изучать бой с оружием, в рамках нужной нам системы, которая строится на важности решения поставленной задачи, а не на победе над врагом. Иногда решение задачи может не включать в себя уничтожение солдата вражеской армии именно вами.

- Это как? – спросили из толпы курсантов.

- Сейчас покажу на примере, - капитан обвел всех присутствующих взглядом, остановился на Звереве и, вынув свой нож разведчика протянул его Димке, - будешь меня колоть в лицо по моему сигналу.

- Как?

- Как бьешь прямой в боксе.

- Вводная такая, - обратился Шумелков к остальным курсантам, - мы идем колонной, по лесу, по городу - не важно, на меня выбегает вражеский солдат с ножом. Я тоже выхватываю рефлекторно нож, и что происходит?

- Коли! – приказал капитан Звереву и тот кинул руку с ножом кроссом ему в лицо.

Шумелков свернулся телом, присев на ногах немного и оказался под атакующей рукой. Это было похоже на боксерский нырок, но не совсем то.

- Замри! – приказал он Звереву и тот замер с вытянутой рукой.

- Как видите, - обратился Шумелков к курсантам, - я ушел с линии атаки, и могу ударить своего противника в живот, это его не убьет, но задержит меня, а значит разобьет нашу колонну на части. И когда авангард напорется на засаду, арьергард не сможет ничем помочь, так как я задался целью так убить своего противника и завяз в этом.

- Так если его не убить - он же закричать может или потом нож в спину бросить! – возразили капитану из толпы курсантов.

- С распоротым животом, мало кто может громко кричать, - улыбнулся Шумелков, отвечая на вопрос, - что же касается ножа в спину, то вспомним наше построение, данное в водной. Мы идем колонной, я распарываю живот выбежавшему на меня врагу, а следующий за мной разведчик его добивает. И таких примеров множество. Зверев, отдайте мне нож и встаньте в строй. Например: мы с вами в засаде, наша цель – поезд проезжающий в скором времени. Я оставлен взорвать полотно перед поездом, а вы все залегли на точках для расстрела охраны, после остановки или крушения поезда. И перед самым поездом на меня выходит полицейский. Я выбиваю у него винтовку, он у меня ППШ, завязывается драка с ножами и другими подручными средствами и тут идет поезд. Что я должен сделать? Продолжать драться с полицейским до победного и возможно не взорвать заложенный заряд? Или в первую очередь взорвать рельсы, даже ценой собственной жизни, чтоб остальные выполнили задание?

Курсанты молчали, соображая и ища в себе правильный ответ.

- Проваленное задание, даже ценой сохраненной своей шкуры недопустимо. Так вы сохраните только свою никчемную жизнь, а так вы разменяете ее возможно на много больи́х жизней, а возможно на еще один небольшой шаг к победе. Кто думает не так, стоит задуматься насчет службы в разведке.

Шумелков осмотрел хмурых курсантов, и улыбнулся, разряжая обстановку.

- Не киснете парни, - проговорил он, - разбейтесь на пары и начнем отрабатывать прием, которым я ушел от колющего удара курсанта Зверева.

А дальше были приемы, их отработка, потом бег на ужин, свободное время, которое теперь Зверев тратил не только на себя, но и чтоб помочь своим сокурсникам с немецким языком, а некоторым и с боксом, ну а потом как обычно долгожданный отбой. И все хорошо было бы, если бы посреди ночи не раздался душераздирающий крик на всю казарму и сразу за ним загудел сигнал тревоги.

- Рота подъем! – орал не своим голосом капитан Скворцов, пока все как заведенные прыгали со своих коек и натягивали обмундирование. - Немецкий десант высадился на расстояние пяти километров, задача нашей роты, найти их и по возможности обезвредить или хотя бы

передать в штаб их координаты. Быстрее одеваемся! В оружейке получаем ППШ и строимся перед казармой через две минуты!

Когда Рота была построена, капитан отдал приказ следовать за ним бегом, и вся рота колонной по четыре устремилась за территорию разведшколы. Ровно через пять километров, в соседнем лесу, на какой-то небольшой полянке они остановились.

- Ну, товарищи курсанты, кто из вас самый наблюдательный? – спросил Скворцов. – Кто мне скажет, как можно было понять, что тревога учебная еще перед казармой?

- Магазины у ППШ пустые и сумки с патронами не выдали, – раздался первый голос.

- Правильно, а еще?

- Подняли только нашу роту, а должны были всю школу по тревоге поднять.

- Молодцы, правильно рассуждаете, – закивал Скворцов. – Но вводную никто не отменяет. Для вас вражеские диверсанты в составе двух человек, действительно выбросились на парашютах в этот лес и вашей роте нужно их обезвредить.

- Всего двое? – разочарованно спросил кто-то.

- Зря хмыкаете товарищ курсант, – ответил капитан, – чем меньше численность разведгруппы, тем тяжелее ее искать в лесу, тем более ночью. Это ваше стадо шумит на весь лес, двоих же во всем лесу искать замучаешься. Тем более, это такие зубры как старшина Бадейко и капитан Шумелков.

- Уууу, – обреченно кто-то вздохнул.

- Кто что знает про бой ночью? Есть какие-то особенности?

Курсанты задумались.

- Источник света ночью всегда кажется ближе, чем есть на самом деле.

- Молодец Старостин, – похвалил первого ответившего Скворцов.

И тут хлынул бурный поток. Курсанты стали высказываться, не дожидаясь конца фразы предыдущего оратора. Даже Зверев ухитрился вспомнить, что объекты ночью кажутся выше и больше. С шепота перешли на обычную речь, а там чуть и до крика не дошло.

- Тихо, – прекратил дебаты инструктор, – по очереди и шепотом!

- Давайте подведем итоги, ваших знаний и я добавлю немного от себя, – шепотом произнес Скворцов. – И так, любой источник света ночью будет казаться ближе, чем днем, примерно на четверть реального расстояния до него. Крупные объекты ночью кажутся больше и выше, чем они есть в реальности. Чем ярче освещена цель, тем она покажется больше по размерам и ближе по расстоянию. На сильно освещенных участках, объекты кажутся ближе, на слабо освещенных – дальше. Ночью при искусственном освещении хорошо видна только наружная часть растительности, а то, что находится за освещенной частью, не видно вообще. Тень от искусственных источников освещения делает невидимым практически все. Поэтому ночью очень эффективны камуфляжи с наружной «лохматостью». Ночью поверхность воды выделяется на темном фоне окружающей местности даже при слабом освещении. Ночью естественным образом обостряется ночное зрение. Чувствительность сетчатки глаза можно повысить тренировками. Существует практический прием: если вы захотите при очень слабом освещении рассмотреть что-либо, сконцентрируйте луч зрения на предмете, и затем медленно отведите луч зрения немного в сторону. Интересующий вас предмет сразу станет восприниматься четче и яснее. При более-менее обостренном ночном зрении все цели начинают довольно четко выделяться на фоне неба и на гребнях скатов. Ночью неподвижные цели различить трудно, а движущиеся цели воспринимаются довольно легко.

Противник ночью визуально, без приборов обнаруживается по следующим световым демаскирующим признакам: по огоньку сигареты замечен до полкилометра; по горячей спичке до полтора километра; вспышка выстрела до двух километров; костер и автомобильные фары видны до пяти километров.

Капитан Скворцов остановился у засыпающего стоя курсанта, щелкнул того ладонью по лицу, и в ответ на ошарашенный взгляд проснувшегося произнес: комар, и продолжил свою лекцию.

- Ночью очень заметен белый и красный свет. Синий свет виден очень плохо. При внезапном сильном освещении уровень настроившегося ночного зрения резко падает. Это объясняется тем, что сильный свет разрушает зрительный пурпур, светочувствительное вещество, образующееся на сетчатке глаза. Человек при этом становится слеп и небоеспособен. На восстановление ночного зрения требуется длительное время, в некоторых случаях до получаса. Слышимость ночью значительно лучше в сырую погоду, после дождя, в горах, у воды и когда ветер дует со стороны противника.

В безветренную погоду в лесу шаги человека ночью слышны на расстоянии до сорока метров, речь отдельных людей – до восьмидесяти метров, нескольких человек – до ста двадцати, шепот – до двадцати метров, стук металлических частей снаряжения, зарядка оружия – до трехсот метров, шелест одежды – до пятидесяти.

Сигаретный дым в лесу можно почувствовать метров за триста пятьдесят, специфический запах немытого тела – метров за сто, чесночный запах – метров за семьдесят. Это понятно?

Капитан осмотрел роту с ног до голов и, улыбнувшись, добавил, - Теперь, вооруженные всеми этими знаниями вы просто обязаны поймать мнимых диверсантов. У вас есть время до подъема. Чем меньше вы затратите времени на поиски и обезвреживание «диверсантов», тем больше вы сможете поспать. Подъем для вас переносить никто не будет, так же, как и перекраивать завтрашнее расписание. Для ориентира, ваша казарма если кто не понял, на юго-востоке. Понятно? Тогда, вперед марш!

Будущие офицеры справились с этим заданием, правда, потеряв больше половины бойцов. На Зверева уже ближе к рассвету метнулась тень старшины Бадейко, какую он хотел встретить правым прямым, но не успел. Жуткая боль от соприкосновения его коленки и сапога старшины повалила курсанта на траву, а удар по затылку отправил молодого разведчика в продолжительный нокаут. Очнулся он минут через десять, связанный и с кляпом, в виде его же пилотки, во рту. Сколько он лежал так ничком, пытаясь развязаться из этих хитроумных, завязанных профессионалом пут, он не знал, но долго. Освободили его сокурсники, те не многочисленные, оставшиеся в «живых» после отлавливания капитана и старшины. Могли, наверное, и бросить в лесу, сберегая силы и время на поиск его и других «мертвых», но не бросили. А почему? А потому, что разведка своих не бросает. Смертельно раненый разведчик, может с пулеметом или гранатой остаться прикрывать отход группы, но чтоб бросить своего, если есть хоть какой-то шанс - нет, никогда не бросят. Вот и не бросили.

Подходили к казарме они уже ближе к рассвету. Начало светать, где-то далеко, на грани слышимости закукарекали первые петухи, испарения поднимались от земли, образуя утреннюю дымку, кирзовые сапоги вымокли в утренней росе.

А в казарме уже спал один курсантик, Димка не помнил, как его зовут. Оказалось, он не стал со всеми искать «диверсантов», а сразу направился в расположение, спать. На разводе его вызвали к начальнику школы и больше его из сокурсников никто не видел. Бадейко как-то оговорился, что парня направили в пехоту, но до этого будущим офицерам разведки не было никакого дела. С таким человеком не только в разведку никто бы не пошел, в окопе одном и то зазорно сидеть бы стало.

Утро встретило не выспавшийся курс утренняя пробежкой, благо всего в трешник длинной, как никогда вкусным завтраком и хмурой рожей Шумелкова на разводе.

- Да, товарищи курсанты, не порадовали вы меня, - капитан ходил перед строем взад-вперед, и высказывал все, что он думает о сегодняшней ночи, - это ж надо было всю ночь нас со старшиной искать! Да простой немецкий пехотный офицер облаву бы лучше организовал.

Нужно-то было всего-навсего цепью лесок прочесать, а они разбились на мелкие группки, и бегают мелкими стадами по лесу. Да и ладно бы бегали тихо и скрытно, нет, они как по проспекту в Москве идут – гордо, держа спину прямо, задирая нос выше балконов и звучно чеканя шаг! Да если бы нам со старшиной не надоело в кустах лежать и смеяться над вами, вы бы нас так до завтрашнего вечера бы искали. Плохо товарищи, очень плохо. Хотел я сегодня с вами бой на карабинах отработать и всякие интересные штуки, но видимо не судьба, придется работать над вашими передвижениями по лесу и не только. Налево! За мной бегом марш!

И опять бег, и опять учебная рота будущих офицеров несется за пределы лагеря, в дремучий лес, изучать основы профессии разведчика.

- Так, - начал ученье Шумелков, остановив роту на подходящей поляне, - начнем с азов, а то походу вы и их не знаете. Ходьба, пригнувшись применяется в следующих случаях: когда необходимо скрыть своё передвижение от противника на местности, где укрытия не прикрывают бойцов, идущих во весь рост, такие как высокая трава, хлеб, камыши, кустарники, канавы, и при быстрых перебежках на открытой местности. Напоминаю, что для скрытности мы ставим ногу сначала на пятку, потом наступаем на ребро стопы, а уже потом ставим на всю площадь стопы. Понятно? Показываю на деле.

Капитан согнулся и прошел пригнувшись.

- При передвижении пригнувшись винтовку держать в правой руке, свободно двигая ею вперёд и назад соответственно темпу движения, или в обеих руках в изготовке к бою. ППШ держать так же, как и винтовку, или, если он висит на груди, придерживать его правой рукой за шейку приклада, - продолжал учить курсантов Шумелков. - В ходьбе пригнувшись, все движения, выполняются свободно, плавно, без излишнего напряжения; не опускаться и не подниматься при каждом шаге. Это даёт возможность экономить силы и лучше скрыть от врага своё передвижение. Уразумели? Тогда показывайте.

После множества повторений, капитан удовлетворился исполнением курсантов.

- Теперь перейдем к бегу, - Шумелков, тяжело вздохнул. – Вы слышите, как вы все бегаєте? Стадо слонов, а не разведчики. Бег, конечно, применяется разведчиками во всех случаях передвижения по различной местности в связи со сложившейся обстановкой и необходимостью ускорить передвижение для быстрого сближения с противником или ухода от него, но не топтать же при этом. Поверьте, моему опыту, быстро добраться из одной точки в другую, это не всегда главная задача для разведчика, иногда нужно сделать это еще и скрытно. Бежать нужно легко, свободно, без излишнего напряжения. В каждом шаге после отталкивания боец как бы летит по воздуху, расслабляя мышцы, давая им отдых. При отталкивании одной ногой другая делает быстрый и энергичный маховый шаг вперёд вверх. Во время полёта нога, находящаяся впереди, разгибается и опускается вниз, касаясь земли сначала пяткой, затем переходит на всю ступню и далее на носок. Туловище немного наклонено вперёд. Голова держится прямо. Руки, согнутые в локтях примерно под прямым углом, со слегка сжатыми кулаками, во время бега двигаются немного наискось вперёд и назад. При беге по пересечённой и лесистой местности смотреть вперёд вниз, чтобы не попасть ногой в ямку, выбоину, не наткнуться на камень, а в лесу - на ветки или корневища. При беге по мягкому, скользкому и свежему грунту ногу ставить на всю ступню. При беге в гору, на кручи ногу ставить с носка. При беге через неглубокую водную преграду бежать небольшими шагами, высоко поднимая колени.

Да, чуть не забыл. При длительном беге иногда наступает состояние, когда не хватает воздуха, дыхание затруднено, и боец как бы задыхается. Это состояние называется "мёртвой точкой". В случае наступления "мёртвой точки" следует замедлить бег или, если обстановка позволяет, перейти на быструю ходьбу. Во время "мёртвой точки" боец должен усилием воли заставить себя двигаться, тогда это состояние быстро проходит, наступает устойчивое состояние, и бег может продолжаться длительное время при вполне удовлетворительном самочув-

ствии. "Мёртвая точка" и устойчивое состояние могут встречаться не только при беге, но и при различных интенсивных и продолжительных напряжениях. Это до вас дошло?

Курсанты стояли молча, ожидая команды и она не замедлила быть.

- Ну, если вопросов нет, тогда побежали. Бегом марш!

Бегали курсанты не меньше часа. Капитан приказывал бегать то на скорость, то бесшумно, то рывками с залеганием в кусты, то с перекатами на ходу. И когда у бойцов открылось второе дыхание и им было уже все, равно как и сколько бежать, Шумелков командовал «Стоп, все слушаем меня дальше!»

- Вот так бегать по лесу можно, - подвел итог инструктор, - а если в следующий раз будете шуметь при поимке «диверсантов», будете потом сутки напролет отрабатывать бег, без перерывов на приемы пищи и туалет. Захотел срать – обоссался в штаны прямо на бегу. После такого даже слоны обычно тихо бегают, проверенно.

Он осмотрел пышущих жаром курсантов и продолжил.

- Но добежать и подойти к врагу это дело пустячное, а вот, чтоб его снять или захватить, нужно приблизиться вплотную, а это можно сделать, только подкравшись бесшумно. Передвижение может быть бесшумным только при условии, если боец не наступит на предметы, вызывающие шум, не заденет за них телом, снаряжением, оружием, и будет совершать движение с большой осторожностью. При бесшумной ходьбе на короткие расстояния двигаться небольшими шагами с постановкой ноги лёгким, осторожным, как бы нащупывающим движением с носка и с последующим медленным переносом на неё тяжести тела. При дальнейшем движении нога, находящаяся сзади, неторопливо выносится вперёд и ставится таким же осторожным, нащупывающим движением.

- А на длинные?

- А на длинные, таким шагом не ходят, - ответил Шумелков. – Подошли к противнику на бросок и начали подкрадываться бесшумно, а до того передвигаетесь бегом, ползком, шагом и на полусогнутых. Понятно? Ну, если понятно всем, то сейчас будем тренироваться захватывать языка. Зверев, встань-ка к той березке к нам спиной. Твоя задача слушать и если услышишь что-то подозрительное – действовать.

И капитан разведки Шумелков показал будущим офицерам, как нужно брать языка. Он подкрадывался к Димке со спины и снимал его, сбивая с ног, то ногами, то плечом. Один раз чуть не задушил ремешком, сорвав с головы назад каску. А последний раз, подбежав сзади, прыгнул словно играя в чехарду, облокотившись на плечи руками и приземлился Димке задницей на основание шеи, сжал ногами шею, и откинувшись назад повалил таким образом курсанта на землю.

- Ну а теперь все начинаем тренировать подкрадывание и приемы снятия часового. Быстро!

До обеда курсанты снимали друг друга с караула, подбирались друг к другу бесшумно, даже учились бросать нож и камень, чтоб часовой упал, не издав ни звука.

- Старостин, чего ты его роняешь как полено? – орал Шумелков на курсантов. – Падающее тело тоже издает звуки. А вдруг камень и на него ружье упадет? Придерживать нужно убитого, и мягко класть на землю. Мягко я сказал!

- Зверев, не мудрствуй много, твоего хука в челюсть ему за глаза хватит, чтоб в обморок упасть.

Когда курс собрался на обед, капитан осмотрел их и задумался.

- Чего-то мы парни сегодня с вами не отработали, - и тут же стукнул себя по голове ладонью, делая вид, будто вспомнил, - конечно же! Передвижение ползком! Курс, слушай мою команду, упор лежа принять! На обед ползком марш!

И уже в спины ползущим в сторону столовой людям, капитан командовал, - Песню запевай!

Там в дали за рекой зажигались огни,
В небе ярком заря догорала,
Сотня юных бойцов из буденовских войск,
На разведку в поля поскакала....

Дверь скрипнула, выводя Зверева из состояния забытья.

- Арестованный Зверев, встать! – крикнул надзиратель. – До отбоя на нарах лежать запрещено!

Нарочито медленно Димка сел на нарах, на которых до этого лежал калачиком, словно маленький ребенок и огляделся вокруг. Все было серо. Выцветшие каменные стены, пропитанные влагой и плесенью, железная дверь с небольшим окошком с решеткой на уровне глаз, сами нары и даже «очко» с рукомошкой были гадкого безжизненного серого цвета.

- Встать! – прервал созерцание камеры надзиратель. – Сидеть так же запрещено!

- Не ори, ефрейтор, без тебя тошно, - сплюнул на пол, не вставая, Зверев.

- Да я... да ты... - захлебнулся злобой нквдешник.

- Ну, чего ты там мне? – скорчил унылую морду Димка. – Мне терять уже нечего, ты это учти. Дезертирство расстрельная статья, а двум пуля один лоб не продырявить.

- Ах ты гнида поганая... - надзиратель дрожащими от гнева руками схватился за винтовку и передернул затвор.

- Отставить ефрейтор Бородин! – сразу раздалась команда из коридора. – Я что сказал? Доставить младшего лейтенанта Зверева ко мне в кабинет, а не свое самолюбие показывать. Еще раз ослушаетесь приказа, отправлю на фронт.

- Есть на фронт, - повесил на плечо винтовку ефрейтор. – Зверев, на выход!

Как и предполагал Димка, когда он вышел из камеры, человека, отдающего приказы ефрейтору в тюремном коридоре уже, не было. Для чего перед ним разыгрывали этот спектакль, младший лейтенант не знал, но, по-видимому, расстреливать его никто пока не собирался. Перед смертниками представления не играют, их просто ставят лицом к стенке, молча, и пускают пулю в затылок. Сопровождали до кабинета следователя его тоже не по уставу. Правильно было бы идти под охраной двух солдат и одного офицера. Возможно, при нехватке личного состава, наличие одного офицера и одного солдата. Но его сопровождал только ефрейтор Бородин.

- Может быть, хотят посмотреть, не попытаюсь я его прибить и сбежать? – подумал Димка. – А смысл? Из нквдешной тюрьмы не сбежишь, а ликвидировав охрану, точно подпишешь себе смертный приговор.

Бывший младший лейтенант Зверев, решил, не суетится и подождать. Посмотреть, что будет.

В кабинете с портретом товарища Сталина, за дубовым резным столом сидел давешний капитан, правда теперь на нем была форма майора НКГБ.

- А, дезертир, - оглядел доставленного майор, - заходи.

Когда Зверев вошел и сел на указанный железный стул, прибитый ножками к полу, следователь махнул рукой ефрейтору: Свободен.

- Не положено, товарищ майор, - удивился Бородин. – А вдруг он на вас кинется?

- Положено знаешь где? – изогнул в риторическом вопросе бровь следователь НКГБ. – Скройся с глаз моих, а то я тебе покажу, как я могу вразумить голыми руками.

- Ну, что, поговорим гражданин Зверев, или как тебя там, на родине твоей называют? – уставился сверлящим взором майор на подследственного. – Чего вылутился, не знаешь, что соврать? Ври, что в голову придет, все равно на чистую воду я тебя выведу.

- Да нет у меня никакой другой родины, кроме как нашего Советского Союза Социалистических Республик. Посмотрите в мое личное дело, там же все про меня сказано. Все-все: учился, пошел на фронт и так далее.

- Вот с твоего дела, личного, - улыбнулся плотоядно майор, - мы и начнем.

К дубовому столу прислонясь, стояла все та же трость с ручкой в виде оскаленной волчьей головы.

- Заинтересовала трость? – проследив взгляд подследственного, спросил майор, - вам знакома эта штуковина? Я, кстати, ее из мертвых ручонек одного из командиров батальона СС вытащил. В Полоцке. Вы бывали когда-нибудь в Полоцке, гражданин Зверев?

- В Полоцке? – оторвав взгляд от трости, переспросил Димка. – Нет, не приходилось.

- А в Мюнхене?

- Тоже нет.

- А как вы тогда обоснуете свой мюнхенский акцент?

Димка сразу вспомнил Гройсмах. Неужели сдала? Хотя чего тут удивительного? Конечно, сдала. Редкий переводчик и учитель иностранного языка, не ходил под НКВД или НКГБ.

- Учился у Ирины Альбертовны Гройсмах, видимо перенял ее акцент.

- Хорошо, - нехотя кивнул следователь, - проверим. Но мюнхенский акцент — это еще цветочки. Вы не знаете дорогой гражданин Зверев, почему в вашем личном деле отсутствует информация о вас до пяти лет? Вас не было на свете до пяти лет?

- Вот этого не могу знать, по причине своих малых годков на тот период, - развел руками Димка. – Единственное, что мне известно, что в пять лет или около того, меня усыновили мои приемные родители, а помню я себя лет эдак с восьми, не раньше.

- Вот тут-то как раз, очень много нестыковок у вас в деле, гражданин Зверев. Первое: усыновившая вас чета Бородиных, Порфирий Петрович и Прасковья Андреевна, не дали вам своей фамилии, а оставили вашу - Зверев. Но это не самое странное. Странное заключается в том, что никто не знает, откуда они узнали вашу настоящую так сказать фамилию, так как ни одном документе детдома вы под ней не проходите.

- И на этом основании и мюнхенском акценте. Вы подозреваете, что я внедрился мюнхенским шпионом в возрасте пяти лет? – Зверев опешил от сказанного.

- Не внедрился, а вас внедрили.

- А зачем?

- Что значит зачем? Вам дорогой мой, бывший младший лейтенант разведки, нужно объяснить, зачем внедряют шпионов? – в голосе следователя сквозила ирония.

- Нет, лучше объясните, зачем такие сложности с ребенком пяти лет? Не проще было внедрить уже взрослого человека? Ребенок то мог вырасти, не знаящим для чего его внедрили.

- Ну, это вы не правы господин хороший, - улыбнулся майор, обнажив свои ровные белые зубы. – Заброска уже взрослого человека требует хорошей подготовки. Нужны знакомые, друзья, соседи, которые тебя знают как облупленного. А с пятилетним мальчиком, мы все это получим просто так, пока он вырастет. И это будут настоящие знакомые, друзья и соседи, это будет настоящая биография, а не легенда.

- Но это риск. Мальчик, выросши, может не захотеть работать на своих хозяев.

- Для этого всегда мальчика может усыновить чета заранее засланных шпионов, и воспитать его правильно. Дать правильное образование. Вы не думали, что подозрительно выглядит со стороны, когда в простой рабоче-крестьянской семье, вырастает мальчик способный поступить на факультет немецкого языка, да притом имеющий прекрасный мюнхенский акцент?

Димка долго думал над последней фразой майора НКГБ, и с каждой секундой этого раздумья глаза его все больше и больше наливались дурной кровью.

- Мо родители не шпионы, - тихо со злостью произнес он, - они порядочные советские граждане.

Майор встал из-за стола, обошел его, и уселся прямо на столешницу перед Димкой, не торопясь взял пачку «Казбека», достал одну папиросу, продул, пожевал немного фильтр, комкая тот под нужным углом, поджег трофейной немецкой зажигалкой и затянулся едким тошнотворным дымом.

- Ага, согласен, ваши родители совершенно тут не причем, - кивну следователь после двух затяжек, - и мюнхенский акцент вам поставила Ирина Альбертовна Гройсмах за два года. Никому из вашей группы не поставила, а вам поставила.

- Я способный к языкам, - скупое буркнул Зверев, решив перед этим, правда, ничего больше не говорить.

- И в разведку вы попали случайно? И В разведшколу случайно вас перевели?

Димка молчал. Тут пахло уже не дезертирством, а кое-чем похуже. Теперь становилось понятно, почему его не грохнули за дезертирство у ближайшей стенки. Им нужен процесс. Он краем уха слышал от родителей и знакомых о политических делах тридцать седьмого года. Тогда забирали одного человека, выбивали из него на допросах имена родных, друзей и соседей, а потом всех вместе сажали как организацию, зарабатывая тем самым на грудь ордена и медали. Но тогда он не верил, да и если честно признаться, то и не задумывался. Обычно о таком не думаешь, пока беда именно к тебе в двери не постучалась.

- Кого еще кроме своих родителей и учительницы Гройсмах, вы Зверев можете назвать своими соучастниками? Кто еще вам помогал?

Родители? Гройсмах? Майор говорил, словно их вина уже доказана, и именно Димка их выдал. Зверева настолько разозлил этот факт, просто привел в бешенство, что он потерял всякую выдержку и бросился на следователя. Неужели боевой разведчик, имеющий за спиной не одну заброску за линию фронта, бравший голыми руками языков, да в придачу прошедший разведшколу, не сможет одолеть какого-то штабного офицеришку? Расстреляют за нападение на старшего по званию? Так его так и так расстреляют, не за дезертирство, так за измену родине.

Димка резко вскочил со стула и кинул мощнейший хук справа, вкладывая в удар всю мощь своего тренированного тела, но в последнее мгновение, оторопевший от такой наглости майор выкинул руки перед собой неумело защищаясь и бычок, горящий сизым пламенем, полетел прям в глаз бьющему подследственному. Димка рефлекторно закрыл глаза и чуть дернулся, удар ушел с линии и просвистел мимо виска следователя. Бывший младший лейтенант разведки не расстроился сильно. Еще парочка ударов и майор будет валяться у его ног. Папиросы в руках офицера НКГБ уже не было, и он отчаянно оглядывался оп сторонам, ища, чем бы защититься от озверевшего подследственного. Забежав обратно за стол, майор с нескрываемой радостью схватил свою прислоненную ранее трость и выставил ее перед собой, надеясь с ее помощью, защитится от разъяренного Зверева.

- Не поможет, - зло процедил Димка.

- Я попробую, - тихо, с ехидцей сказал майор и эта капелька ехидцы, очень не понравилась бывшему младшему лейтенанту.

Надо признать, тростью следователь орудовал мастерски. Все удары руками Зверева натывались на дерево трости, а иногда он еще в начале атаки бил по бьющей руке своей палкой, чем срывал мощнейшие атаки еще в зачатии. Димка попробовал бить еще и ногами, как учил Шумелков, но почему-то не смог попасть своими ногами в майора. А последний его удар, следователь поймал рукой, придержал его ногу, ударив сам ногой ему по коленке опорной ноги, и тем самым уронил подследственного на пол. После этого хитрым образом засунул под плечо правой руки ему свою трость и рванул вверх так, беря руку на болевой прием, что у Димки из глаз слезы самопроизвольно потекли.

- Товарищ майор, вам помочь? – открылась дверь и в нее просунулась рожа ефрейтора Бородина.

- Подержать что ли? – выдохнул следователь, поудобней перехватывая трость.
 - Да я слышу, у вас тут шум какой-то, дай думаю загляну.
 - Вы что же товарищ ефрейтор, морда твоя не мытая, думали, что офицер государственной безопасности с каким-то разведчиком не справится?
 - Да я... – начал оправдываться Бородин.
 - Закройте дверь с той стороны, и не мешайте мне работать с подследственным, – командовал майор, – если будете нужны товарищ ефрейтор, я вас позову.
- Дверь тут же закрылась. Давление трости исчезло, как и колена, которым майор припечатал Димку к полу, и Зверев смог подняться на ноги, растирая выкрученную руку. Схватка была проиграна в чистую. С виду невзрачный штабной майоришка, оказался куда как опытнее младшего лейтенанта разведки.
- Садитесь Зверев, – указал на прикрученный стул следователь, – и больше не шутите так. Рано вам на тот свет собрались, очень рано, да и не тот способ выбрали, я вам скажу, слишком уж мучительный он.
 - Да какой способ не выбери, мне все равно стенка светит. Вам же не докажешь ничего. Но лучше так, чем после оговора себя шпионом и выдачу вам честных людей.
 - Ну, зачем же сразу стенка, – хищно оскалился майор, – есть много других способов искупить вину свою перед родиной.
 - Была бы она, эта вина... – угрюмо хлюпнул носом Димка.
 - Вина всегда есть, – осклабился следователь, – был бы человек, а вина, как и статья, на него найдется.
 - Но вы ж понимаете, что я ни в чем не виновен, и все ваши обвинения есть ни что иное как стечение обстоятельств? – умоляюще посмотрел на следователя Зверев.
 - Понимаю, – кивнул тот в ответ. – Даже, наверное, могу понять, что опоздали на полчаса вы не нарочно.
 - Да, именно так! – немного теряя самообладание, выкрикнул подследственный.
 - Но закон есть закон, и с этим ничего не поделаешь, – улыбка стала еще шире, – можно, конечно, смягчить наказание, но совсем отменить, увы, никто не сможет. Один раз приступивши закон, потом на его путь во век не вернешься.
 - Вербуете? – поникшим голосом спросил Димка.
 - Почему вы так решили?
 - Ну, по логике разговора, испугав меня неотъемлемым наказанием и возможным смягчением, вы должны предложить мне последнее в обмен на какое-то действие с моей стороны. Стукачом хотите сделать?
 - Кем? – сначала удивился, а потом рассмеялся майор. – Стукачом? Стукачей у нас пруд пруди, даже этот цирк ради этого устраивать не стоило.
 - Тогда, что вам от меня нужно? Вы же понимаете, я не засланный шпион, выхода на немецкий Абвер у меня нет, и двойную игру со мной играть попросту смысла нет. Даже под пытками, я не открою вам своих связей просто потому, что их не существует.
 - Много слов, товарищ Зверев, много слов. НКГБ СССР в моем лице, хочет вам предложить всего-навсего службу командира штрафной роты.
 - Всего? – удивлению Димки пределов не было. – А не смертники туда не хотят идти служить? Это вроде ж кадровая должность.
 - Понимаете, Дмитрий Николаевич, – первый раз за все время беседы, следователь назвал его по имени отчеству, – на такие должности обычно идут или карьеристы, желающие выслужиться перед начальством посылая людей на верную смерть и кушая свой удвоенный паек по ночам и в темноте, или безбашенные товарищи, которым жизнь не мила, и которые бегут в бой в первых рядах. Нам не нужны, ни те, ни другие. Тем более в той штрафной роте, куда родина

хочет определить вас на службу. Там мне, как представителю НКГБ СССР, нужен умный, образованный и физически выносливый человек.

- Теперь штрафниками чтоб командовать нужно высшее образование? – ехидно заметил Зверев.

- Да, - серьезно кивнул следователь, - и еще выносливость и умение воевать, а также психическая устойчивость и морально-волевые качества. Я уже сказал – это специальная рота, и карьеристы со смертниками там не выживают. Либо бегут уже после первого боя, или умирают, прямо в этом первом бою. Поэтому око партии и НКГБ остановилось на вашей кандидатуре.

- А я с этого буду иметь самое ценное, что есть в этом мире, жизнь?

- Несомненно, Дмитрий Николаевич, - кивнул следователь, - а еще внеочередное звание лейтенанта, ибо неправильно будет командовать ротой в звании младшего, чистое личное дело, дополнительный паек и все остальные блага, сопутствующие этой должности.

- Я могу отказаться?

- Конечно, господин Иоганн Вульф, вы можете отказаться от нашего предложения. Мы не принуждаем никого, все только по личному желанию.

- Понятно, - печально вздохнув, заметил Димка, - значит, не могу. Я согласен.

Майор открыл ящик стола, вытащил оттуда новые погоны, встал, обошел стол и протянул руку подследственному. Тот так же встал и протянул руку, правда, выражение лица его, не свидетельствовало о его большой радости от сего момента.

- Я знал, что вы согласитесь на наше предложение, - пожимая руку, говорил следователь, а приставленная к столешнице его трость скалилась волчьим оскалом в лицо Димке, - и поздравляю вас от лица командования, с присвоением очередного воинского звания лейтенант. Отправляетесь вы на фронт завтра утром, а до этой поры, вам придется провести время в уже знакомой вам камере, с гостиницами у нас плоховато, но питание и отношение уже будет совсем иное.

Майор обернулся к двери и крикнул ефрейтора.

- Бородин, проводите товарища лейтенанта в его камеру, и распорядитесь, чтоб его поставили на довольствие в соответствии с новой должностью.

- Есть, - вытянулся по струнке ефрейтор.

- Идите лейтенант Зверев, я думаю, мы с вами еще увидимся, но в более благоприятной для вас обстановке.

- Не хотелось бы, - буркнул себе под нос Димка и вышел из кабинета.

Ему действительно принесли обед из офицерской столовой, а потом и ужин, выдали ворох последних газет, дабы время до утра скоротать. А утром, после завтрака, он получил все надлежащее обмундирование, с вещмешком с положенным пайком и был отконвоирован на машине двумя офицерами, к поезду, идущему на фронт.

За окном общего вагона проносились современные пейзажи его родины. Стройные сосновые леса соседствовали со светлыми березовыми рощами, чернели пятнами незасеянные поля и выжженные огнем воронки. Проскакивали деревеньки и поселки разной степени разрушения. Некоторые стояли целехонькие, словно и войны то не видели, а бывало, и проезжал поезд выжженные дотла деревни, где кроме обгорелых печек и не было ничего.

- Верь мне, - донеслось до Димки кудахтанье рыжей толстушки среднего возраста в цветастом платье, - мне знающий человек рассказывал. Лютуют немцы, ой лютуют. Говорят, среди них такие есть, которые кровь человеческую пьют на манер упырей сказочных, а то и само человеческое мясо жрут.

- Врешь ты все, - отвечала ей молодая черноокая попутчица. – Зачем немцам человечину есть? У них и так мяса хватает, и даже шоколад имеется.

- Вот те крест, пьют они нашу кровушку, - перекрестилась толстушка, - мне кум рассказывал, он фельдшером в госпитале подъездается. Так он баял, будто после отступления нем-

чуры, к ним в госпиталь трупы пленных свозили, а в них ни одной кровинки не было, словно кто-то их досуха выпил.

- Брешет твой кум, - не соглашалась молодая дамочка, - видно пытали их жестоко, вот кровь и вылилась.

Димке скоро надоело слушать эту ахинею, и он попытался заснуть, облокотившись затылком о стенку вагона. Ему снились разрывающие солдат и выпивающие из них кровь немцы, клацающие волчьими зубами нкгбешники и оживающая трость с рукоятью в виде волчьей головы.

Выдох 1

Лед на Двине трещал по швам, трескался и ломался в самых неожиданных местах. Весна в этом году была ранняя, лед и истончился еще, а жаркие лучи небесного светила уже дырявили его в попытке взломать. Лед держался, скрипел, но делать было нечего, и он потихоньку сдавал позиции, отрывая от себя все большие и большие куски. Снег так же нехотя отступал, но его отступление не было похоже на паническое бегство трусоватых кочевников с поля боя.

Голые осины и липы на берегу Двины чернели стволами над белыми шапками домов полочан, делая видимый от софийского собора пейзаж неудобным. И только легкие струйки дыма, поднимающегося из печных труб, намекали на сытый ужин местного населения, от чего на душе становилось спокойно и боголюбно.

У софийского собора, прямо у золоченых дверей стояла баба. На вид не молодая уже, но еще глаз мужской ласкающая, со статным станом и милым личиком, хотя и опечаленного чем-то. Одета она была знатно, спину держала ровно, словно никогда в ее жизни и не приходилось никому кланяться, но вот глаза ее портили весь статный облик боярыни Милославы, жены Брячеслава Полоцкого. Такие глаза пристойны побитой собаке, но никак не княгине. Баба одета была хорошо, в дорожную бобровую шубу, цветастый платок, сапоги с вышивкой, но как-то расхлябано она выглядела в этом, словно накинута сии дорогие вещи наспех, выбегая из дома до соседки на несколько хвиль. Вокруг никого не было в столь ранний час, и она скучала возле ворот в одиночестве.

Утренний час прорезал скрип плохо смазанных петель, одна из воротин отъехала чуть в сторону, и из внутреннего тепла полоцкого Софийского собора на свет божий высунулся длинный, ноздреватый, да еще и с бородавкой нос служки. Тот поводит им из стороны в сторону, на несколько мгновений остановился прицельно на княгине и убрался обратно в тепло, оставив дверь приоткрытой. Княгиня сию же минут направилась во внутренности храмового сооружения.

Софийский собор в Полоцке – самый большой и богатый из всех священных мест в городе. Его белокаменные стены не выше княжеского терема, но вровень с ним высятся над всеми зданиями детинца, и только сторожевым башням разрешено быть выше, но на то они и сторожа этого нового города с долгой историей.

Древний Полоцк, точнее, руины, сожженный Владимиром Красным Солнышком и дядькой его Добрыней, сейчас известным более под христианским именем Илья с приставкой Муромский, находится немного севернее нового, заново построенного на Двине города, на реки Полоть, или как ее киевляне называют, Полота. Тот город, хоть и обладал древней историей, но был меньше нынешнего, да и стоял на холме у глубокой, но не широкой речки, для старых войн с допотопным оружием, это был крепкий орешек, а вот для князя Владимира и дядьки его Добрыни оказался на один укус. Новый же город решено было поставить на Двине, чтоб ее воды и крутые берега с одной стороны, и холмы с другой не давали захватчикам и шанса подойти к городу незамеченными, а про напасть и захватить, и мысли не должно было даже возникать.

Княгиня Милослава, по церковному Прасковья, шла по собору широким шагом, почти бежала, не глядя вокруг. А посмотреть тут было на что. Муж ее, Брячеслав, и его отец Изяслав Владимирович старались выстроить город не хуже стольного Киева и собор святой Софии сделать не хуже, чем такие же соборы в столице и Новгороде. Были тут и величественные иконы, сделанные греческими и русскими мастерами, в дорогих золотых окладах с камнями различными, были и позолоченные подсвечники и другая драгоценная утварь. На стенах и на потолке были написаны дорогими красками картины из Нового и Старого Заветов. Но княжну не инте-

ресовала все богатство и роскошь вокруг, она это видела не раз, да и пришла так рано в сей храм не для разглядывания убранства. Душу бабы сжигал уже много лет животрепещущий вопрос.

- Батюшка, - упала на колени перед вышедшим к ней епископом, - укажи что делать, не выходит у меня ничего.

- Молись дочь моя, - кивнул служкам поднять бабу убранный сединами священник в дорогом парчовом одеянии, расшитом золотом и серебром, - только святая молитва сможет дойти до ушей Бога, и услышав ее Господь снизойдет до тебя раба божия.

- Батюшка, муж мой Брячеслав Изяславович, князь полоцкий и луцкий, хочет наследника, а я никак не могу забеременеть, ни с молитвой, ни без нее. Слуги доносят мне, будто он за стаканом горилки поговаривает меж своих близких дружков, что кривая я, не могу дите ему родить. А следовательно, в монастырь меня ссылать нужно и другую жинку за себя брать. Помогите батюшка, не дайте пропасть рабе божьей, ведь я на собор твой и церкви полоцкие жертвую каждый месяц и не мало. Меня в обитель сошлют в монахини, кто станет дары церкви приносить?

- Что ты мелешь княгиня! – ужаснулся епископ. – деньги отданные церкви – это твой дар чистосердечный! Господь не побирается, он довольствуется добровольными людскими подношениями. Или ты хочешь за свою милостыню купить себе Божью милость?!

Княгиню поставили на ноги. Еще недавно ее голова, при высказывании святому отцу поднимавшаяся, после ответных слов опустилась, спина сгорбилась, словно несет на себе Милослава огромный мешок с житом.

- Что же касается молитвы и монашества, - продолжал епископ, но уже более спокойным тоном, - то во всем, государыня моя, воля божья и никак иначе. Господом нашим Иисусом Христом предопределены тяготы через какие мы должны пройти перед царствием небесным и муки, что выдержать нам суждено и от этого, княгиня, никуда не денешься. Все в руках божьих находится, и твоя судьба не исключение. Только Господь знает все испытания, через какие ты должна пройти. А твоя задача терпеть все и благодарить Господа нашего за милость его. Молись, дочь моя, и возможно пошлет тебе Иисус Христос младенчика, а коль не пошлет, то доля у тебя такая. Монашество не доля крестьянская, а служение Ему и во славу Его, и такой судьбиной гордиться нужно, а не бояться, словно огня на пожаре лютого.

- Спасибо батюшка, - тихо произнесла княгиня, словно помоями облила, - надоумил ты рабу божью, оступившуюся, век твой совет помнить буду.

С каждым шагом, сделанным княгиней, спина ее расправлялась все больше и больше, пока не выпрямилась до конца и стала похожа на прямую, без каких-либо неровностей доску. Было видно, Милослава приняла решение, но какое, никто кроме нее не знал.

В свои покои княгиня ворвалась словно орда варягов в приморскую деревушку, и не раздеваясь упала на еще не застеленную служанками лавку. Прорывав в пуховую подушку больше години, Милослава все-таки соизволила подняться с ложа, скинуть всю одежду до исподней рубахи и сесть за утренний стол. Правда, кусок в горло не лез, и княгиня приказала подать себе горилки. Налив себе до краев золоченный украшенный дивным рисунком кубок, выпила, залпом, не закусывая. Вторую порцию княгиня пила уже медленно, глотками, давась горечью хмельного пойла.

Когда хлебное вино взяло свое, чувства притупились, гонор и честолюбие вылезли наружу, отодвигая за спину ум и осторожность, Милослава встала с табурета, рывком, схватила со стола нож и нацелила его себе в грудь.

- Не дожидетесь! – крикнула она. Лучше убью себя, чем в монастырь пострижете!

На шум в дверь покоев заглянула служанка. Увидев представшую перед ней картину, она взвизгнула и ринулась к княгине.

- Матушка Милослава, что же вы делаете!

Схватила за руку с ножом и повисла на ней, не давая совершить никакого действия. Ни в сердце воткнуть, ни на пол железяку бросить.

- Отойди Лушка, - верещала пьяная княгиня, - не мила мне больше жизнь, а в монашки я не пойду, да же если батюшка говорит о почетности одного поступка! Отойди дура, дай покончить жизнь свою беспросветную!

- Что ты матушка говоришь такое! – старалась перекричать вопли княгини служанка. – ты мне сердце открой свое, может я помогу, может вместе найдем путь, как монашкой не стать и жизни при этом не лишиться?

Милослава стрельнула на Лушку почти трезвым взглядом и ослабив хват ножа кивнула на табурет рядом, садись дескать. Княгиня со служанкой сели за стол, нож же со звоном упал на пол.

- Понимаешь Лушка, - заплетающимся языком говорила Милослава, - муж мой, князь ваш Брячеслав, сына хочет, а мне никак от него зачать не получается. Не знаю я, кто из нас плох, толи у меня брюхо бесплодное, толи у него уд, но вот уже сколько живем вместе, а все дитя у нас никак не получается.

- Бряча, - княгиня забылась от выпитого и назвала при служанке мужа уменьшительным именем, но Лукерья не стала заострять на этом внимание, сейчас ее собеседнице нужно было, кровь из носу, выговорится, - не думает, что сам может быть в этом виновен. Кричит на меня, пустобрюхой обзывает, в монашки постричь хочет, а себя взять новую жену, молодую, чтоб наследника ему родила.

- Знаю матушка, знаю, - кивает Лушка, - все ведаю.

- Так вот, - наливает себе еще Милослава, - княгиня я или нет? Кривичского роду-племени или нет? В нашем роду баб сосланных мужьями не было, и я первой не буду. Убью себя и дело с концом!

- Погоди матушка княгиня, - шепчет быстро-быстро Лушка, - я понимаю горе, но зачем же руки на себя класть? Самоубийц сейчас даже на кладбище со всеми не хоронят, за оградой в землю закапывают.

- А что же мне делать? – всплеснула руками Милослава и сбила со стола на пол уже опустевший кубок. – В монашки постричься Богу в угоду, мужу моему, князю Брячеславу Изяславовичу радость?

- Родить тебе матушка надо, мальчика.

- Как?! – уткнулась в руки личиком и заплакала княгиня.

- Есть одно средство, - прошептала Лушка, - но это дело непростое и опасное, хотя и верное.

- Рассказывай! – выдохнула, поди из самого ливера своего, Милослава, хватаясь за последнюю соломинку.

- Есть у меня баба одна в знакомцах, - тихо рассказывала Лукерья, заговорщицким тоном, - так она всякие обряды творить умеет древние. И приворот может, и отворот, и на зачатие тоже умеет заговоры класть.

- Ведунья? – переспросила княгиня и сама себе рот ладонью запечатала от сказанного. – Так обращение к оным церковью карается в плоть до отлучения.

- А кто узнает о том? – прищурилась служанка в ожидание реакции на свои слова.

- Кто? – не поняла вопроса Милослава.

- А никто, - хмыкнула Лушка, - если по уму сделать. Люди надежные сыщутся, умеющие язык за зубами держать?

- Найдутся, если понадобится.

- Надо предлог сыскать, чтоб за стены детинца в город выйти в сопровождении этих надежных людей, а там я проведу к знахарке той, да так дорогу покажу, чтоб никто не разведal.

- А сама та ведунья меня не выдаст?

- А ей на кой? - удивилась Лушка. – Если о ней самой узнают, не миновать бабе костра очищающего. Наши попы только с паствой своей добрые, а почитателей старых богов не сильно жалуют. Кого колом, а кого огнем потчуют.

- Ой, страшно мне Лушка, - заныла Милослава, - не загублю я свою бессмертную душу этим?

- А кто только что хотел загубить ее руконаложением на себя?

- И то верно подруга моя добрая, - вздохнула княгиня, - от такой жизни боле нужно о животе своем думать, нежели о душе. Будем живы, а грехи замолим.

Сказано – сделано. Мышка, загнанная кошкой в угол иногда способна на такие поступки, что у заядлой крысодавки шерсть дыбом встанет. Все сделали Милослава со служанкой своей Лукерьей, дабы никто не смог прознать, будто княгиня полоцкая, жена Брячеслава Изяславовича, внука Владимира Крестителя, по церковному именуемого Василием Первым, в гости к жрице старых богов пошла, к ведунье.

Избушка на самом краю города, прям у самого леса, ушедшая почти по крышу в землю, больше похожая на землянку, доверия не вызывала, но идти туда было надобно. Долго Милослава решалась, долго придумывала, как скрыть от всех это и вот наконец со свитой умеющих держать язык за зубами слуг, возглавляемых служанкой Лукерьей, стоит красавица княгиня у самого порога. Всего то и нужно, открыть дверь, да перешагнуть приступочку, а ноги не идут, внутренний голос псом на цепи рычит, не пускает, словно не княгиня в гости к ведунье идет, а к ней в душу кто-то лезет. Но делать нечего, назад поворачивать некуда. И рука, сдюжив с дрожанием нервным толкает дверь незапертую, а ноги несут, чуть не подгибаясь в коленях хозяйку во внутренности знахарского дома.

В доме сумрачно, света мало. Два окна горницы почти до половины землей засыпаны, а на притолоке одна одишенька лучинка горит малым пламенем. В углу на полу прям лежит куча соломы, с накинута на нее медвежьей шкурой, видимо служащие хозяйке кроватью с одеялом. Везде, куда не кинь взгляд под потолок или на какой выступ на стене развешены пучки трав всяких разных, да сушеные мыши со змеями. От одного вида убранства этой лачуги хочется выбежать на двор и бежать не останавливаясь прочь, прям в монастырь стричься в монашку. Последняя мысль остужает Милославу, приводит мысли в нужное русло и борет брезгливую неприязнь в душе княгини ко всему тут увиденному.

Напротив, вошедшей гости, на ужасного вида сундуке сидит ведунья, со ступкой в руках и методично там что-то толчет, озирая своими бесстыжими языческими зенками вошедшую бабу.

- Ты что ль бабка Польшница?

На бабку ведунья не тянет. На бабку да, причем не обделенную ни добрыми телесами. Ни приятной моськой, знахарка не тянет. Рванина, в которую укутана ведунья старит ее, но видно – если приодеть ее, мужики в дом к ведунье потянутся полноводным ручьем. На бабку ведунья не тянет, на бабу да, да притом чуть ли не моложе самой Милославы.

- И тебе не хворать матушка княгиня, - еле склоняет голову в приветствии хозяйка.

- Дело у меня к тебе есть, - начинает, но не заканчивает фразу княгиня.

- Ко мне без дела не ходят, да и по делу не каждому, - пожимает плечами ведунья, - только если жареный петух в макушку клюнет, ну или если зад припечет словно на раскаленную кочергу сел.

- Ты понимаешь, с кем ты разговариваешь?! – не выдерживает словесной перепалки Милослава. – Я могу тебя собаками приказать затравить, или святым отцам сдать на судилище их и костер лютый!

- Понимаю, - кивает знахарка, - с бабой горемычной, которую беда ее съедает что изнутри, так и снаружи. И не ори пожалуйста, не я к тебе пришла за помощью, ты ко мне, а дающую руку серпом не секут. Если бы у тебя какой другой выход был, ты бы ко мне не пришла. А коль

пришла, значит, приперло тебя по самую маковку, и не было у тебя другого пути, как ко мне придти. А выдашь ты меня, и что будет?

Милослава стояла в дверях при входе и молча, выслушивала слова, деваться ей действительно было некуда, ведьма была последней соломинкой, за которую он держалась.

- А ничего не будет, - продолжала знахарка, - не будет и последней надежды, которую ты во мне увидела, ибо мертвая я, растерзанная псами, посаженная на кол или в огне поповском сгоревшая тебе точно помочь не смогу.

- Я поняла, - склонила примиряющее голову княгиня, - не серчай, а за глупость, вылетевшую из моих уст, звиняй, не в себе я последнее время.

- Оно и видно, что не в себе, - отходчиво махнула рукой ведьма, - рассказывай, зачем пожаловала.

- Дитятко хочу, - тихо молвила княгиня.

- А не получается?

- Нет, - мотнула Милослава, - откуда узнала? Виденье видела?

- Нужно мне про всяких княгинь полоцких видения видеть, еще чего силу на это тратить. Коль получилось бы, ко мне не пришла, - ехидно улыбнулась ведунья, - ко мне приходят либо те кто хочет ребеночка, но не получается, либо у кого получилось, но не хочется. Другие сидят дома у окошка и радуются своей доли.

- У меня как раз не получается, но хочется, - всхлипнула готовая заплакать княгиня, - муж наследника хочет, по три раза за день на меня залазит, а все никак не выходит. Брячеслав меня винит в пустобрюхости, обещает постричь в монахини, и девку себе завести помоложе, чтоб наследника ему родила. Не хочу я в монахини, а покончить с собой духу у меня не хватает....

- Заговори мне дитятко, ведунюшка, Христом Богом прошу! - взывала горячими слезами Милослава и упала на колени в тоже мгновение, словно березку тонкую дровосек топором срубил.

- Ты своим белым богом то поосторожней раскидывайся, - всплеснула руками знахарка, - не в том месте находишься, чтоб его поминать.

- А разве Господь Бог наш, может быть, в каких-то местах, а в каких-то не быть?

- А чего ты княгиня тогда к своему богу не пошла, раз он такой вездесущий?

- Была я у батюшки в соборе, - прохныкала Милослава, - да что толку? Батюшка говорит: молись чаще, тогда Господь услышит и обязательно сделает. А если не сделает, то значит на то воля его такая.

- Ну, вот если веришь в бога своего мертвого, то иди и молись. Я в твоего бога не верю, и у меня тут его не чтут и даже имени избегают. Так что милая моя, если ты у меня решила помощи просить, забудь пока имя своего бога, рот им запечатай и не произноси никогда в моем доме.

Муха залетела в приоткрытую форточку, полетала меж пучков сухой травы, свисающих с потолочных балок, засушенных частей различных животных, наткнулась на засушенную целиком жабу, взвилась под потолок и жужжа от ужаса вылетела обратно на улицу.

- Прости, прости меня не разумную, - запричитала Милослава, - не от злого умысла говорю, а не ведаю твоих устоев попросту.

- Не рыдай и встань с колен, - примирительно молвила ведьма, - я знаю, что без умысла, было бы по-другому - давно бы уже выгнала взащей. Говори толком, без нюней и рыданий, как своему батюшке на исповеди, что тебя ко мне привело.

- Ребеночка хочу родить, мальчика, чтобы Брячеславушке наследником стал.

- Подойди, встань подле меня.

Княгиня подошла к знахарке, и та стала ходить вокруг нее да присматриваться. То в глаза посмотрит, да веко отведет в сторону, то рот заставит открыть, то по спине постучит, то внизу живота пощупает, да так, что больно иногда становилось от этого.

- Не пустобрюхая ты, милая моя, можешь дитячко зачать и выносить, - после долгих осмотров произнесла ведунья, - мне бы мужа твоего посмотреть, да думаю он сюда по своей воле не придет, а силы тащить на веревке князя супротив его воли и против его дружины у меня нет.

- Брючеслав сюда только с мечом на голо прискачет, крушить и жечь, тех кто в его силе мужской усомнился.

- Так я в силе мужской не сомневаюсь, - хихикнула ведьма, - ты же сама говоришь, по три раза в день на тебя залезает, меня в силе ребеночка зачать сомнения берут. Ну, да ладно, будем исходить из самого страшного, ибо если сами сможете за это время, то и заговор сему помешать не сможет, а коль нет, то он и сработает. Стой тут и смотри, пока я не скажу: все, рта не раскрывать. Хоть замычишь на мгновение, все почитай заговор не состоится.

Ничего княгиня не сказала, только согласно закивала головой. Ведьма же, порывшись в одном из своих многочисленных сундуков, вытащила оттуда длинную красную нитку и начала завязывать на ней узелки, всего числом сорок, над каждым шепча такие слова.

Поклон кладу Солнцу - красному,
В небе парит лебедь с лебедятами,
В чистом поле ходит кобылица с жеребьями,
В норе лежит лисица с лисятами,
Как всякая живая тварь,
Плодиться, множиться, зачинается,
На свет белый нарождается,
Так и Милославе зачинать, в утробе носить,
На свет белый породить.
Небесной матери помолюсь,
В ноженьке низко поклонюсь,
Ладе -Рожана Милославе
Помощника, дите малое.
Макошь премудрая,
Судьбы Ведница, Веретеница,
Скрути златые нити судьбы,
Долей доброй одари.
Лада-Матушка, всеотрадушка,
Чудной рученькой своей в утробу ей
Дитя вложи.
Макошь, Судеб хозяйка,
Долей материнской одари.
Месяцу в рост идти,
Дитянке в утробе расти.
Ручкам толстеть, ножкам стучать,
Телу белу ядренеть, головке умнеть,
Дитянке в утробе вырастать,
На свет белый народиться,
Милославе и мужу ее Брючеславу Изяславовичу радоваться.

Прочитав это заклинание над каждым из сорока узелков, ведьма обратилась к Милославе.

-Нужно завязать эту веревочку на теле и носить четыре седмицы не снимая, но чтоб никто не видел, куда тебе повязать ее милая моя, на ручку белую, али на ножку длинную?

- Совсем видеть никто не должен? – ужаснулась Милослава.

- Да нет, просто чтоб многие глаза – многие расспросы, а где расспросы, там и слово лишнее скажется, а слово лишнее может и к беде привести. Чем меньше глаз, милая моя, тем меньше расспросов и слов, тем меньше шанс беде случиться, что с тобой белолицая моя княгиня, что со мной.

- Вяжи на ножку, - подумав молвила княгиня.

Слово сказано и тут же дело сделано, обвила нитка с узелками белую лодыжку княгини, завязалась в последний узел.

- Жертву богиням принесла?

- Что? – не поняла Милослава.

- Дары принесла? – поправилась ведьма и в уме подумала. - Как быстро забываются старые времена. Еще бабка или прабабка княгини приносила на капищах жертвы древним богам без зазрения совести, а эта бела лебедушка и слова то такого не знает, а если и знает, то думает про это не есть что, что попы на службах рассказали дрянного про веру и порядки древние, то и думает.

- Да-да, конечно, - впопыхах затараторила Милослава, - все принесла, как было велено.

- Давай, - кивнула ведьма и сгребла со стола в красном углу какой-то хлам, оставив две чашки и два небольших деревянных женских идола, - клади.

Княгиня судорожно полезла в небольшую суму, принесенную собой в дом к ведунье, достала оттуда кусок пирога и небольшой сосуд вина и посмотрела на ведьму.

- Чего стоишь? - удивилась знахарка нерасторопной медлительности гостьи, - в чашу Лады клади.

Милослава в ужасе глянула на два почти одинаковых идола и в нерешительности замерла на мгновение перед ними, решая кто из них больше похож на Ладу. Но еще больше испугавшись прищуренного взгляда ведьмы, быстро положила в правую чашу.

- Ты что ж делаешь неразумная, - всплеснула руками знахарка, останавливая гостью, - это же Макошь! В другую клади! В эту моток ниток золотых.

На конец-то дары были положены, и Милослава вздохнула с облегчением. Она боялась более страшного обряда, думала – душу свою бессмертную придется продавать, а всего-то нитку на ногу повязали.

- Все милая моя, на сегодня закончили, - произнесла ведунья, - ходи так два десятка дней и еще восемь, если за этот срок не забрюхатишь, придешь ко мне еще раз, нитку сниму и более сильный обряд проведу.

Ведьма тот же час отвернулась от княгини, потеряв к ней всякий интерес, взяв из кучи хлама ступку и принявшись что-то там усердно растирать.

- А плату? – спросила Милослава у спины знахарки, протягивая в своей белой нежной рученьке полновесный кошель с золотом.

- Ведуньи не берут денег за свое умение, - не оборачиваясь, бросила хозяйка, и когда у княгини от ответа отвисла челюсть, добавила, - приношение же можешь бросить на стол.

- Интересно, а если я швырну ей на стол не кошель с деньгами, а пару медиков, она заметит? – подумалось на мгновение княгине, но тут же она себя оговорила, - А вдруг ведьма за это осерчает и заговор не сбудется?

Куда податься, если она даже так не забеременеет, Милослава не знала. Только если в монашки, или в землю, но за оградкой основного кладбища, куда хоронят самоубийц. Это была последняя соломинка, держащая ее на еще на плаву, и Милослава не хотела рисковать даже возможностью забеременеть. Она бросила кошель на ближайший стол и вышла из хибары, в душе надеясь, что сумеет обрюхатиться за указанное время и ей не придется приходить в это неприятнейшее место снова. Почему-то на сердце было легко и весело, чему Милослава вразумительных объяснений не находила. Сюда княгиня ехала удрученная, с сомнениями в душе потерять единственное оставшееся у нее ценное – бессмертную душу, ища с каждым шагом

предлог вернуться в княжеский терем, но пройдя этот обряд, поучаствовав в языческом ведмовстве, она успокоилась и расслабилась. Если душу и забрали, то не так страшно все произошло, как рассказывают на службах священники.

Ожидания Милославы не оправдались. Брячеслав хоть и пытался на ней по три раза в день, как обычно, а обрюхатить так и не смог. Пришлось по истечению четырех седмиц ехать обратно к ведьме.

- Не помогла милая моя ниточка? – с порога, не глядя кто вошел в избу крикнула знахарка. – Не печалься, сейчас на крови все сделаем, и все сбудется. Нет богов на свете, кои на кровь не ответят, не отзовутся.

- На крови? – обомлела вошедшая княгиня.

Милославе сразу представились кровавые языческие жертвоприношения, кровь, брызжащая из разрезанного горла человеческого на величественно-страшные идола древних богов, и сразу княгине захотелось покинуть сие место.

- На крови милая моя, на крови, - кивнула ведунья, выходя к госте, - кровь человеческая – цепями на богов ложиться, заставляя помогать людям даже против их воли и вопреки законам мироздания.

- Но для этого же человек нужен? – ужаснулась княгиня. – Я никакого челядина с собой не взяла, только служанки мои, но, если надо....

Милослава запнулась на полуслове.

- Можно и служанку, - прищурившись молвила знахарка, - но самая лучшая кровь – самого просящего. Когда жертвуешь кем-то это одно, а когда жертвуешь собой, то даже кровь сама несет богам твое послание.

- Но я не могу быть жертвой, - замотала головой Милослава, - как же я потом смогу родить, если ты меня как жертву убьешь?

- Вот ты, княгиня, словно дитя неразумное рассуждаешь, - всплеснула руками ведьма, - я же от тебя только пол чашки крови хочу, а не всю, коя в тебе содержится. Руку порежу и всего делов.

- А, - закивала княгиня, - а я-то подумала....

- Наверное, представила себя связанную и на колени на страшном языческом капище стоящую, и кровь хлещающую из перерезанного горла к подножью сердитых кумиров?

Милослава согласно часто-часто закивала.

- Нет милая моя, - чуть-чуть не рассмеялась испугу гостьи ведунья, - ничего такого не будет. Ушло время больших обрядов с красочными нарядами и леденящими кровь жертвоприношениями, тебя мы зарежем серо и обыденно.

- Это как? – чуть не упала в обморок княгиня, после слов «тебя мы зарежем».

- А вот так.

Ведьма опять покопалась на одном из своих столов, заваленных хламом, вытащила откуда-то грязную, заляпанную чем-то давно чашу, кривой в некоторых местах поржавевший нож, отодвинула вещи, освобождая немного свободного места и посмотрела на Милославу.

- Руку давай.

- Чего? – княгиня сделала шаг назад.

- Руку давай милая моя, - оскалилась ведьма и схватила гостью за запястье шуйцы, - нее бойся, больно будет, но не сильно.

Хозяйка хибары набрала из тут же стоящей склянки в рот какой-то мутной жидкости, выплеснула ее на руку Милославы, схватила нож, и точным, расчетливым движением, отработанным годами, рассекла кожу на внутренней поверхности запястья гости. Та только и успела вскрикнуть, сколько не от боли, столько от испуга. Быстро поднеся приготовленную чашу под стекающую с руки кровь, ведьма стала давить на мякоть руки, усиливая тем самым кровоток. Когда крови по мнению знахарки оказалось достаточно, она отодвинула чашку, сплюнула на

рану остатки вонючей жидкости и перевязала рану тряпицей, оторванной тут же от нижней рубахи.

Взяв чашу с кровью в руки, ведьма подошла к двум уже виденным Милославой идолам и разлила кровь ровно по двум дарственным чашам, прошептав предыдущий заговор, но закончив его несколько иначе.

Заклинаю тебя Лада – Роженица,

Заклинаю тебя Макошь, Мать сыра земля,

Рудой жертвенной, живот людям дающей,

Кровью собственной, частичкой просящей,

Дайте красной девице Милославе свет....

Тут знахарка взглянула вопросительно на гостью.

- Лучезаровна, - ответила Милослава сразу смекнув, что нужно ведунье.

...свет Лучезаровне,

И мужу ее Брячеславу свет Изяславовичу,

Обрести в любви своей дитяtko малое.

Да не от деда, да не от соседа,

А свое, славное, любимое!

На последних словах она взмахнула над жертвенными чашами рукой, и оттуда на несколько мгновений запахло серой, и повалил дым.

- Ой, - только и смогла произнести опешившая княгиня.

- Все милая моя, - вздохнула с облегчением ведьма, словно не совершала простые действия, а несколько телег с житом успела за это время разгрузить, - больше я ничего сделать не в силах. Сроку тебе забеременеть – до следующих пачкающих дней, если по их истечению не сбудется сие дело, значит, даже ухваченные за яйца, боги не хотят видеть тебя с дитем от твоего мужа.

- А что тогда делать?

- Нечего о том думать пока, но коль так случится и ничего из затеи с кровью не выйдет, то ты ко мне приходи, - тут ведьма подмигнула Милославе, - я придумаю что делать. Не бойсь девка, без дитяточки я тебя не оставляю.

Но вертаться к ведьме на Милославенно счастье не пришлось. Следующих пачкающих дней у нее не было. Вызванная к княгине по этому поводу повивальная бабка заверила князя полоцкого о тяжести его супруги. Брячеслав был на седьмом небе от счастья, носил жену на руках, ни в чем ей не отказывал, исполнял все возможные прихоти. И даже всем показалось, искорка привязанности и подзабытой любви к жене снова загорелась в очах его.

Девять месяцев пролетело словно стрела, пущенная из многосоставного боевого лука. Внутренности коего собирают из разных пород древесины, обтягивают берестой или кожей, а тетивой служат жилы животных. Недавно вроде ходила княгиня тайно к ведунье, готовая душу продать свою бесценную, в обмен на брюхатость рябеночком, а тут уже лето пролетело, осень пронеслась словно стая гусей, летящих на зимовку в дальние жаркие страны, и вот зимой-то княгиня и должна была разродиться. Дата родов выпадала на волчьи святки, и это наполняло сердце княгини нехорошими предчувствиями, но против божественного замысла не попрешь и значит придется рожать не взирая на окутанный нехорошей молвой праздник.

- Отошли?

- Угу, - кивнула молоденькая совсем девчушка, ученица повивальной бабки.

- Тряпицу чистую носи дура, - кричала на нервах бабка Аксинья на свою нерадивую помощницу, - да поскорее!

- Агась, - кивала та и уносилась в дальний край бани.

- А ты мила тужься, тужься, - обращалась повитуха к княгине, - оно без боли то не бывает, но ничего, ты терпи моя хорошая, разродишься, крик младенчика услышишь, и забудешь про эту боль, словно ее и не было.

Дверь со скрипом приоткрылась и в щель сунулась кривенькая морда дьячка.

- Чего тебе изверг нужно? – гаркнула на него повитуха. – Тут баба рожает, а он морду свою грязную сует.

- Дык, князь батюшка знать хочет, родили уже, али нет еще?

- Нет еще, как родим, так я в дверь стукну, сиди в сенях и жди, а сюда даже нос не суй пока не скажу.

Дверь со скрежетом захлопнулась.

- Ой, мамочки! – выдохнула княгиня.

- Давай милая, тужься, уже головка видна, сейчас совсем выйдет! – вернулась к Милославе повитуха.

Ловкие руки повивальной бабки подхватили народившегося младенчика, подняли вверх, шлепнули по спинке, чтоб легкие открылись, и жизненная сила вошла в маленькое сморщенное, красноватое тельце младенца. И детский крик разорвал случившуюся до того тишину в бане.

- Мальчик! Наследник! – заорала девчушка, ученица повитухи, - вот князь будет счастлив. Матушка Милослава, у вас мальчик!

- Не ори дура, - тихо и тяжело произнесла бабка, - не видишь, отошла она....

- Как так? – не поняла девка и с ужасом посмотрела на лежащую без движения и не дышащую княгиню.

- А так, родила и отошла. Бывает такое, если дитя не жизнеспособным рождается, мамки ребеночкам своим жизни отдают. Материнская любовь, она жизнь дитятки выше своей ставит.

- Ой, а у него кожа к голове прилипла, - указала девчушка на голову младенчика, - сниму?

- Это не кожа, дурище, - зашипела на ученицу бабка, - это отметина ему на всю жизнь. Меченный у нас наследник родился, ждет его судьба удивительная.

- Это хорошо или плохо?

- Как жизнь повернется, - пожала плечами повитуха, - но точно могу сказать, от скуки наш младенец не умрет.

Словно что-то вспомнив, бабка подошла к двери и стукнула по ней ногой.

- Родился, - гаркнула она.

- Агась, - донеслось из-за двери и вслед донесли удаляющиеся шаги.

- Стой.

- Чего?

- Передай еще, что княгиня родами отошла, пусть кормилицу ищут.

- Понятно, - после некоторого раздумья ответил голос, - жалко....

Назвали маленького Всеславом, дабы всю славу ратную на себя принял. Называл, конечно же, самолично отец, стремясь в будущем сыне, а пока хотя бы в имени его отразить все свои мыслимые и не мыслимые чаянья и надежды. Мать, может быть, и смогла повлиять на мужа и изменить имя сыну, но ее уже к тому времени в живых не было. Всем удался младенец и ел хорошо, и орал всласть, закладывая уши кормилице да нянькам, тряпки описывал и обгаживал, и только пятно на головке поверх лица портило всем настроение, кто видел его. Но не долго портило. Кто первый раз видел маленького Всеслава, те удивлялись, выясняли что это, а те, кто видел мальчика изо дня в день, уже привыкли к этому и никак на пятно не реагировали.

Неприятный сюрприз княжич преподнес на крещении. Ничего не сулило в тот день проблем. И солнышко вышло на небосвод вовремя, и птички запели сладостно поутру, на небе не было ни облачка, все было обыденно. Понесли маленького крестить. Все чин по чину, не

мужицкого отпрыска крестят, князя полоцкого Бречеслава Изяславовича, внука самого Крестителя Руси, Владимира Красно Солнышко, Василия Первого, наследника. Пока произнесешь язык сломаешь. Крестить несли большим караваном, с няньками, мамками, дядьками, слугами. Сам князь тут же шествует, друг его в крестные назначенный и приближенные княжеские, числом больше двух дюжин. Все по чину. Священное таинство сам епископ полоцкий проводить согласился. И вроде все сначала хорошо было, да только к купели поднесли маленького несмышленного Всеслава, как тот закричал, словно зверь лесной, да притом раненый. Глаза бешенством сверкают на челе, младенец весь краской алою налился, слюньками во все стороны брызжет, ручками неистово машет, не дитя, а злая рысь в руки попала. И, самое главное, упирается, в лохань освященную садиться ну никак не желает. И так его запикивал епископ полоцкий туда, и так, но младенец упирался всеми раскинутыми конечностями в края купальни и не давал туда его окунуть. Князь с друзьями своими, со слугами ринулся было помочь святому отцу, да тот отмахнулся только. Если он с младенцем сам не справится, какой же он тогда слугитель бога способный чертей из людей выколачивать?

Долго держал он сопротивление, но силы в мужских руках куда более, чем в детских, да и выносливости поболее. Долго сопротивлялся маленький княжич, да только силы покинули пухленькое тело младенчика, и сунул епископ его в лохань золоченую, купальней зовущуюся. Словно в кипяток опустили малыша, так он заорал в воде. Орет, не прекращая, так и пришлось все таинство крещения под этот ор с ревом проводить. И только вынесли новокрещеного Дмитрия из собора, как тот сразу унялся, успокоился и уснул на руках у кормилицы. Не долго над сим печалился князь Брячеслав, до первого вытого кубка на празднике в честь крещения сына. Впредь за Всеславом не замечалось такого отторжения крестного знамения, но церковь он в детстве посещал редко, из-под палки, только, когда заставят и деваться было некуда. Молитве и покаянию он предпочитал ученье наукам разным, а их в списке нужности для будущего князя Полоцка было множество.

Первой наукой для князя, как для предводителя дружины была наука воинская. Как и положено посадили Всеславушку на коня в три годика, а меч деревянный дали и того раньше. А за мечом деревянным, последовал и железный, не заточенный сперва, дабы дитячко мало сперва не порезалось не умеючи. Мальчуган и не резался, да только без синяков и ссадин ни одно занятие по воинской премудрости не происходило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.